

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

БОРТ 618

ЭКСМО

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

**Жизненное пространство.
Книга 1. Борт 618**

«Автор»

2001

Ливадный А. Л.

Жизненное пространство. Книга 1. Борт 618 / А. Л. Ливадный — «Автор», 2001 — (Экспансия: История Галактики)

Неожиданный бой на далекой планете. Смертельное ранение. Последнее, что уловил угасающий взгляд лейтенанта Лизы Стриммер, была рука омерзительного существа, тянущегося к ее лицу. А дальше провал в памяти, длиною в два десятка лет. Она жива. Но кто воскресил ее? И почему вдруг этот неведомый «доброжелатель» начал на нее форменную охоту? Что за сила обосновалась на далеком Воргейзе, пытаясь вмешиваться в судьбы целых планет? На все эти вопросы придется отвечать именно ей.

© Ливадный А. Л., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Пролог	5
Часть I.	7
Глава 1.	7
Глава 2.	19
Глава 3	29
Глава 4.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Ливадный

БОРТ 618

Пролог

– Борт 618, здесь «Орфей», доложите готовность!

Пилот десантно-штурмового модуля кинул беглый взгляд на приборы.

– «Орфей», на связи Борт 618, предстартовая процедура окончена. Прошу данные по обстановке.

– Борт, орбиты сближения свободны. Данные по точке высадки загружаются.

– Что там внизу? – Пилот машинально поправил дугу укрепленного у губ микрофона, одновременно считывая поступающие на навигационный экран данные.

– Сложно сказать, – ответил голос в коммуникаторе. – Густая низкая облачность, разрывов нет, похоже, что в зоне высадки гроза. По данным картографической разведки, там несколько брошенных поселений, связанных общей инфраструктурой дорог. Приспособленной площадки для посадки нет, ориентируйтесь по обстановке.

– Понял вас. – Пилот кивнул своему навигатору. – Игорь, следи за рельефом. Настрой сканеры на низкую облачность. Придется идти по приборам.

Навигатор потянулся к приборным панелям.

Пилот спускаемого модуля переключился на внутреннюю связь:

– Экипажу, начало стосекундного отсчета. В отсеках, приготовиться к старту. – Он опять коснулся сенсора. – «Орфей», начат стосекундный отсчет. Подтвердите разрешение на старт.

– Борт 618, старт разрешен. Катапульта заряжена, силовые поля убраны.

В ангаре разведывательного картографического крейсера «Орфей» в этот момент стихла вся суета подготовки, люди исчезли, фермы обслуживания втянулись в предназначенные для них укрытия. Огромный десантно-штурмовой модуль, подхваченный электромагнитами удержания, оторвался от стартовой плиты и медленно поплыл в сторону открытого затвора катапульты, будто действительно являл собой исполинский тупоносый снаряд длиной почти в сто метров.

– Борт, вы в стволе. Затвор герметизируется.

На табло бортового хронометра цифры обратного отсчета продолжали свое стремительное движение к нулю.

Две разведенные в стороны половинки многотонного затвора стартовой электромагнитной катапульты начали возвратное движение, медленно смыкаясь.

– Затвор закрыт!

– Добро. Мы готовы.

Пилот спускаемого модуля посмотрел на экраны обзора. Вдоль внутренней поверхности ствола стартовой катапульты то и дело пробегали цепочки красных и синих огней, обозначая габариты пусковой шахты, а впереди, за раскрывающимися лепестками диафрагменного люка, уже обозначился черный провал космоса.

– Диафрагма открыта!

Цифры на бортовом хроно высветили нули.

Плавное ускорение, рожденное электромагнитами стартовой катапульты, подхватило космический корабль, толкнуло его вперед по стволу, огни габаритов слились в сплошные полосы и...

Резкий толчок, вспышка гасящих вращение дюз коррекции, ощущение Бездны, расплескавшейся вокруг мириадами колючих, холодных точек...

«Орфей» огромной клиновидной массой уже скатывался на экраны заднего обзора, а впереди был виден ущербный шар серовато-зеленой планеты.

Пилот посмотрел назад, провожая взглядом удаляющуюся массу крейсера, по борту которого четкими флюоресцирующими буквами тянулась надпись:

«Миссия гуманитарного союза Совета Безопасности Миров. Поиск потерянных колоний».

– Борт 618, доложите обстановку.

– Старт успешный.

– Счастливо, парни. До встречи на высоких орбитах.

– Понял, спасибо. Конец связи. – Пилот спускаемого модуля коснулся сенсора, переключая свой коммуникатор на внутреннюю частоту.

Он сделал это спокойно, буднично, абсолютно не догадываясь о том, что слышит голос дежурного офицера крейсера в последний раз.

Часть I. ПЯТАЯ КОЛОННА

Глава 1.

Планета Кассия. Город Александрийск. Западный жилой массив, шесть часов вечера по локальному времени...

Этот высотный дом стоял на самом краю двадцать третьего жилого комплекса, возвышаясь пограничным уступом уровня «D». Если встать спиной к его входу, то чуть дальше и значительно ниже можно было увидеть бесконечные крыши – все вровень друг с другом, будто небоскребы нарочно подгоняли под одну высоту, а на них – высаженная в виде замысловатых геометрических фигур красовалась нежная, едва распутившаяся зелень весенних садов.

...Молодая женщина лет тридцати, идущая по пешеходной дорожке вдоль ограждения, отделяющего ее от пропасти перепада городских уровней, остановилась неподалеку от входа в здание. Оглядевшись по сторонам, она в нерешительности облокотилась о перила, будто ее мучили какие-то сомнения. Несколько раз она бросала мимолетный взгляд в сторону застекленного входа в жилой комплекс, словно мысленно решала – войти внутрь или нет?

Видимо, она так и не смогла прийти к однозначному ответу на свой вопрос, потому что отвернулась и принялась смотреть вдаль, на умытую недавним дождем свежую зелень садов.

За этим, нижестоящим уступом огромного города уже не увидишь следующей ступени жилых массивов: все сливается воедино, и очертания отдельных зданий теряются в дрожащей дымке городского смога.

Некоторое время она смотрела в туманную даль, а потом, должно быть, поборов сомнения, вдруг решительно направилась в сторону входа.

Внутри здания было светло и чисто. По периметру огромного фойе тянулись веселые, пестреющие товарами витрины мини-маркетов. У дверей лифтовых шахт на своих постах сидели два охранника в форме МСБ, Муниципальной службы безопасности.

Женщина прошла мимо них, вызвала лифт и поднялась на девяносто пятый этаж.

Перед дверями квартиры с пятизначным номером она опять на несколько секунд застыла в нерешительности, но потом, поджав губы, коснулась подушечкой большого пальца правой руки крохотного пятнышка сканирующего устройства.

Дверь послушно скользнула в сторону, открывая сумрак прихожей. Она вошла, поморщившись от коснувшихся ее обоняния флюидов.

– Сергей! – с порога позвала она. – Сережа!..

Тишина. Лишь в воздухе витает странный сладковатый запах. Дверь за спиной скользнула на место, сделав сумрак прихожей еще более густым.

Лиза тяжело вздохнула, нашаривая рукой выключатель.

Быть женой наркомана – удел безрадостный, и внутренняя отговорка о том, что наркотик на самом деле ненастоящий, очень скоро перестает действовать, по крайней мере как лекарство от душевного бессилия, от ощущения того, что тебя предали.

Сейчас, вернувшись домой после недельного отсутствия, Лиза почувствовала это особенно остро. Открыв дверь и перешагнув порог квартиры, которую они с Сергеем сняли несколько месяцев назад, сразу после свадьбы, она первым делом споткнулась о брошенную второпях обувь.

Опять этот чертов бардак... – мгновенно раздражаясь, подумала она.

Застойный запах сигаретного дыма, осевшего на занавесках и мягкой мебельной обивке, смешивался в гостиной с какой-то кислятиной, в воздухе витала настоящая вонь, и от всех добрых мыслей и надежд Лизы тут же не осталось и следа.

Уходя на время из дома, она давала тем самым Сергею шанс одуматься, прийти в себя, понять наконец, что рядом с ним находится еще один живой человек, но... По положению брошенной второпях обуви, скомканному плащу, который бесформенным комом валялся подле вешалки, и этой мерзкой, отвратительной вони Лиза поняла: все, это уже окончательно и бесповоротно.

Переступив порог гостиной, она еще более укрепилась в своем тягостном предчувствии. Ее прощальная записка так и осталась лежать на столе, прижатая тарелкой, на которой скорчились засохшие бутерброды. Вот так... Он даже не удосужился прочесть ее послание.

– Сергей? – опять позвала она, в растерянности остановившись у стола.

И вновь ей ответила тишина. Лишь в соседней комнате, где был установлен терминал компьютера, что-то тихо, назойливо попискивало.

Ну, ясно... Опять погряз в своей виртуалке.

К горлу вдруг подкатила уже не злость, а горечь. Так погано, мерзко на душе ей было только в далеком детстве, когда разводились родители, а она, еще совершенно ничего не понимая в нюансах взаимоотношений взрослых людей, вдруг оказалась в центре их драмы. Тогда Лиза тоже отказывалась что-либо воспринимать, – мать и отец в равной степени были дороги маленькой девочке, и ей казалось абсолютно непонятным, почему жизнь вдруг дала трещину и начала прямо на глазах разваливаться на куски, превращая любимых богов в жалких, озлобленных и приземленных людей.

Так и с Сережей...

Красивая сказка их знакомства, свадьба, медовый месяц – все исчезло так быстро, обернулось равнодушием любимого и сосущей пустотой одиночества, этой мерзкой вонью нестиранного белья, отвратительным запахом переполненной пепельницы и давно немытого тела...

Губы Лизы дрогнули от обиды. Он мог хотя бы сделать вид, что прочел записку. Сдвинул бы тарелку, отложил листок в сторону, может, и не терзала бы сейчас ее сердце такая дикая, безысходная тоска.

Зачем только она вернулась? Зачем лелеяла в душе эту глупую, наивную надежду, ведь все было ясно и так? Что заставило ее снова прийти сюда, в эти стены, где одним странным, серым утром окружающая ее сказка обернулась вдруг чем-то злым, нехорошим?

Лиза все еще растерянно стояла посреди комнаты, рядом со столом. В ее глазах блестели наворачнувшиеся слезы. В соседнем помещении, где по типовому проекту квартиры был установлен терминал Интерстаровского компьютера, по-прежнему назойливо пищал непонятный, тревожный сигнал.

Ей бы тихо уйти отсюда, покинуть навсегда это гиблое место, пропахшее флюидами ее почившей мечты о счастье, но вот что-то не давало, удерживало, и даже больше – толкало туда, в комнату.

Слишком быстро это произошло... – внезапно подумалось ей, и эта мысль как нельзя более четко расставила все на свои места, сделала понятным и причину возвращения, и боль в душе, и какую-то внутреннюю готовность прощать обиды: она просто не хотела верить в то, что уже свершилось. Лиза была достаточно рассудительна, чтобы понимать, – слишком явными и скорыми оказались перемены в их взаимоотношениях, жизни, во всем...

Господи, как горько... глупо все...

Не в силах сопротивляться внезапному порыву, она решительно шагнула к дверному проему, ведущему в соседнюю комнату и... застыла на пороге как вкопанная, смертельно побледнев.

В комнате с зашторенными окнами царил полумрак.

Терминал компьютерной системы таинственно мерцал тусклыми точками индикационных сигналов. В глубинах полусферического стереомонитора сплетали неясный танец загадочные абстрактные тени так называемого «хранителя», но не это приковало к себе взгляд смертельно побледневшей женщины.

Сергей сидел в кресле, как-то странно, совершенно безвольно свесив голову набок, будто силы оставили его и он просто уснул в такой расслабленной, но неестественной для человека позе.

Длинный черный кабель оптико-волоконного соединения, оканчивающийся вставленным в височную область нейрошунтом, гляцевитой змеей обвился вокруг горла, одна рука Сергея обвисла как плеть, другая вцепилась в эту неживую змею, словно оптическое волокно вдруг ожило и пыталось задушить его...

– Сережа!.. – Лиза, омертвев от этой жуткой картины, все же инстинктивно рванулась к нему, схватила его голову в свои жаркие, мгновенно вспотевшие ладони и вдруг взвизгнула, отпрянув, когда ощутила под дрожащими пальцами мертвую, холодную плоть, которая на ощупь была будто резиновая.

Господи, как ей стало страшно и одновременно мерзко в этот миг. Лиза медленно пятилась назад, пока ее спина не коснулась стены. Взгляд словно примерз к мертвому лицу мужа, к его открытым, остекленевшим глазам, к высохшему следу от струйки слюны, что какое-то время стекала из уголка его рта...

Она не могла поручиться, дышала ли в этот миг, но когда ее страшное оцепенение наконец прорвал судорожный вдох, то вместе с ним до ее помутившегося сознания дошел весь букет той вони, которая витала в воздухе затемненного помещения, и ей тут же стало плохо.

Содрогаясь в конвульсиях, она медленно сползла на пол.

... Через несколько минут, когда спазмы пошли на убыль, она в полубредовом состоянии сумела не то выйти, не то выползти из комнаты. С трудом соображая, что и зачем делает, обламывая ногти, она открыла оставленную в гостиной сумочку и совершенно без сил рухнула в кресло.

Дрожащими пальцами набрав короткий, известный любому ребенку номер, Лиза выслушала долгий гудок, затем тональный сигнал подключения, и наконец в трубке раздался голос:

– Да? Дежурный МСБ слушает.

– Приезжайте... – дрожащими губами выговорила она, с трудом припоминая свой собственный адрес.

– Конечно, мэ. – Голос дежурного оставался таким же ровным и деловым: – Я могу узнать, что случилось?

Боже, как тяжело, оказывается, выдать из себя эту простую, короткую, но страшную по своей смысловой окончательности фразу:

– Мой муж... Он умер...

Рука Лизы с трубкой мобильного телефона бессильно опустилась.

Несколько минут она сидела, не шелохнувшись, тупо и отстраненно глядя в пол перед собой, пока из глаз не хлынули наконец слезы.

Через некоторое время далеко внизу, в ущелье улицы, визгливо завывли сирены нескольких машин Муниципальной службы безопасности.

* * *

Офицер, которому Лиза открыла дверь, вел себя спокойно и корректно. Двое его подчиненных в сопровождении гражданского медика тут же прошли в комнату, где находился труп, а он мягко, но настойчиво подтолкнул Лизу в сторону приоткрытой двери, ведущей на кухню:

– Пойдемте. Нам с вами нужно поговорить.

Лиза, которую не покидало напряжение, вдруг поняла, что сопротивляется, окаменев, будто офицер желал не поговорить с ней, а как минимум изнасиловать.

Осознав это, она опустила руки.

– Да, конечно... Вы правы.

На кухне, вопреки ее предчувствию, царил тот порядок, который она оставляла тут неделю назад, решив временно переехать в гостиницу.

– Присаживайтесь. – Она указала на пластиковый стул, материал которого искусно имитировал дерево... и болезненное воспоминание тут же кольнуло душу: они с Сергеем сами выбирали этот гарнитур накануне свадьбы.

Офицер, окинув цепким, профессиональным взглядом обстановку помещения, втянул носом застойный пыльный воздух и сел, представившись:

– Меня зовут Дейвид. Лейтенант Дейвид Морган, отдел расследования убийств.

Лиза кивнула, молча достав из сумочки, которую все еще сжимала в руках, свое унифицированное удостоверение личности.

Лейтенант извлек из нагрудного кармана крохотный фонарик. Направив невидимый глазу поток лучей на серый прямоугольник, он прочитал проступившие на нем буквы, кивнул, возвращая удостоверение, и внезапно спросил:

– Могу я обращаться к вам по имени?

Лиза в первый момент не поняла вопроса: ее горестное оцепенение усугублялось с каждой минутой, и внешний мир с такой же скоростью отдалялся от нее. Мрачные мысли мешали нормально воспринимать реальность.

Наконец, осознав, о чем он ее спрашивает, Лиза кивнула, соглашаясь. Какая разница?..

– Вы даже не сходили туда... – тихо упрекнула она лейтенанта.

Он не смутился и не обиделся.

– Там работают эксперты, – спокойно объяснил он. – Не стоит им мешать, они вызовут меня лишь в том случае, если обнаружат признаки насильственной смерти.

Лиза усмехнулась горько, понимая. Этот молодой красивый офицер, сидевший напротив, вероятно, уже сто или даже тысячу раз удовлетворил естественное для любого человека брезгливое любопытство, и смерть перестала быть для него таинством, а ее созерцание превратилось в нудную, каждодневную работу.

Тихо хлопнула входная дверь, в коридоре неприятно звякнул металл. На кухню заглянул служащий в форме Муниципальной санитарной службы.

– Привет, Дейв. Мы за телом.

Морган жестом указал им в сторону комнаты.

Лиза подняла глаза, беспомощно озираясь вокруг. Для человека, на которого внезапно обрушилось глубокое личное горе, многие моменты повседневной жизни становятся вдруг дикими, непонятными, болезненными. Человеческое равнодушие вдруг стало осязаемым, словно окутав Лизу тяжким саваном: оно, это самое равнодушие, бродило по ее квартире, заглядывая во все доступные взгляду углы, грохало в коридоре носилками, смотрело на нее глазами лейтенанта Моргана...

Совсем не так, как в кино... – внезапно подумалось ей.

– Ну, лейтенант? – разбивая тягостную тишину, нервно, с вызовом в голосе, произнесла она. – Мы будем разговаривать? – Лиза попыталась на ощупь найти в сумочке сигареты, но дрожащие пальцы заблудились в мелких вещах, которые после утраты постоянного жилья приходилось таскать с собой, и она внезапно вытряхнула содержимое прямо на стол.

– Успокойтесь. – Морган с дежурной улыбкой наблюдал, как Лиза взяла сигареты и пытается вскрыть непечатую пачку. – Дайте помогу. – Он распечатал сигареты и вернул их ей. Их пальцы соприкоснулись на миг, и она вздрогнула, ощутив, что кожа лейтенанта холодная, словно у лягушки.

Наверное, он был таким в жизни: спокойный, доброжелательный, рассудительный... в общем, никакой.

Лиза прикурила сигарету, и вдруг ее наконец проняло: слезы брызнули из глаз, струясь по щекам, в носу зашипало, не то от сигаретного дыма, не то от прорвавшегося наконец горя.

Она думала, что Морган сейчас кинется утешать ее, но он остался сидеть на месте. На кухню вошел один из его помощников, наклонился к лейтенанту и что-то тихо сказал ему на ухо. Морган кивнул.

– Теперь мы можем поговорить, – произнес он, оборачиваясь к Лизе. – Вам следует успокоиться. Сейчас я включу аппаратуру протокольной записи и задам вам несколько вопросов.

Она кивнула, неловко вытирая слезы.

Процедура допроса, или, как было в данном случае – опроса свидетеля, значительно упростилась с той далекой поры, когда была введена в практику на прародине человечества – Земле. Лейтенант Морган достал из внутреннего кармана служебный «комп», очень похожий на толстую записную книжку, расположил его на столе перед собой, открыл «обложку», которая на поверку оказалась мини-дисплеем.

Лиза отрешенно смотрела на эти приготовления, пока в какой-то момент не осознала, что совершенно четко понимает смысл каждого совершенного лейтенантом действия. Откуда в ней вдруг появилась эта подсознательная уверенность, подспудное знание процедуры, оставалось только догадываться.

Вот Морган, взяв в руки световое стило, коснулся его кончиком нескольких точек на развернутом к себе экране, и Лиза машинально подумала:

Включил инфракрасный порт... Устанавливает соединение с сетью...

Действительно, на миниатюрной панели мини-компьютера судорожно заморгал индикатор беспроводной связи. Невидимые глазу, но свободно проникающие сквозь стены инфракрасные волны достигли приемника сетевого терминала, расположенного в соседней комнате, и включили его. Теперь Морган, введя специальный для таких случаев код доступа, мог получить всю доступную в Сети информацию относительно Сергея Шелгунова и его жены Лизы Стриммер. В категорию доступа включалась вся закрытая для обычного пользователя «подноготная», в том числе банковские счета и личная переписка, осуществленная через сервис Сети, и еще много интимных, обычно недоступных посторонним лицам сведений.

Словно тебя прилюдно раздевают... – неприятно подумала Лиза и тут же откровенно удивилась этому непонятно как ожившему в ней знанию, но Морган был занят чтением поступающих на экран данных и потому не обратил внимания на то, как вдруг остатки краски сбегали с ее лица, сделав бархатистую кожу пепельно-серой.

Морган закончил изучать данные и поднял взгляд на Лизу.

– Итак, я готов выслушать вашу версию случившегося, – сухо произнес лейтенант. – Учтите, что с этой секунды аудиосистема будет вести протокольную запись. Предупреждаю, все, что будет сейчас сказано вами, может быть впоследствии использовано против вас, – добавил он стандартную, пережившую века формулировку.

– Да, я знаю, – негромко ответила Лиза. – Что именно вы хотите услышать от меня?

– Кем был ваш муж, Сергей Шелгунов?

– Журналистом. Он работал на частное информационное агентство Норригана.

– У него были неприятности на работе? Вам известны люди, о которых он писал?

– Нет. Муж не посвящал меня в свою профессиональную деятельность.

– У него имелись предпосылки для самоубийства?

Этот вопрос ошарашил Лизу. В первый момент она растерялась, неприятная волна жара обдала ее тело.

– Вы это серьезно, офицер?!

Морган строго посмотрел на Лизу.

– Чем вам показался некорректным мой вопрос?

– Я думаю, что речь должна идти об убийстве, лейтенант, – справившись со своими чувствами, твердо ответила она, внутренне делая отчаянный шаг вперед, к этой преднамеренной резкости. – Я полагаю, вы будете искать тех, кто сначала отнял у меня мужа, а затем убил его.

– И кто, по-вашему, эти люди? – не скрывая своего недовольства, спросил Морган.

– Те, кто выпускает программы виртуальных миров, которые засасывают душу человека, действуя на разум, словно наркотик! – резко ответила Лиза.

Лейтенант покосился на экран мини-компьютера, где специальная программа производила анализ голосовых модуляций.

Нет, судя по показателям анализатора, эта женщина не играла. Она действительно находилась в состоянии аффекта и вполне серьезно полагала, что можно взвалить ответственность за смерть ее мужа на кого-то другого, кроме него самого.

– Что ж, буду вынужден не согласиться с вами, и даже готов пояснить – почему, хотя это напрямую и не входит в сферу моих обязанностей, – немного помедлив, заявил Морган. – Вы, видимо, слабо знакомы с Сетью, если делаете подобные допущения. – Он откинулся на спинку стула и поучительно произнес: – Дело в том, что виртуальное пространство нашей общепланетной сети, так же как межзвездная сеть Интерстар, не может рассматриваться в контексте привычных для реального мира юридических взаимоотношений. Притягательность виртуальных миров, которые действительно зачастую намного краше реального жизненного окружения, нельзя рассматривать как преступление их создателей. Просто есть люди, которые предрасположены к психическим расстройствам и так называемой «виртуальной зависимости», а есть те, кто просто не замечает второго слоя нашего сознания, как теперь модно называть виртуалку. Вы понимаете меня?

Лиза была вынуждена кивнуть, хотя это простое движение далось ей с трудом.

– Поверьте, развитие инфраструктуры сетей и совершенствование связанных с ними виртуальных миров только добавило головной боли как нам, обычным стражам порядка, так и дипломированным юристам, занимающимся законотворчеством. Ваш муж, по всем признакам, умер не от нервного истощения, а от элементарного обезвоживания организма. Он не сошел с ума, а просто потерял сознание от голода и жажды. Его никто не убивал.

– Не верю, что в иллюзиях можно заблудиться настолько глубоко, чтобы потерять все ощущения, связанные с собственным телом и его физиологическими потребностями! – упрямо перебила лейтенанта Лиза.

– Увы, мэм. Такие случаи крайне редки, но прецеденты уже были. На тысячу человек, которые, по оценкам психологов, имеют ярко выраженную виртуальную зависимость, один рано или поздно погибает вот таким неприглядным образом.

– И эта статистика никого не убеждает в опасности виртуальных миров для человека?

Морган поморщился, словно от зубной боли.

– Сеть нельзя запретить, – ответил он. – Нравится это кому-то или нет, но она будет существовать, хотя бы потому, что без нее уже немыслимы ни экономика современного мира, ни технический прогресс, ни межзвездная связь. А что касается индустрии сетевых развлечений и связанных с нею проблем, то тут царят законы игорного шоу-бизнеса. Никто не затягивает клиентов в Сеть насильно. И, разбирая случаи глубокой зависимости, неважно, закончилась ли она летальным исходом, мы приходим к удручающему выводу: большинство жертв виртуалки идут туда не просто по прихоти своего слабого, неадаптированного сознания. Они хотят там жить, потому что реальный мир по тем или иным причинам перестал быть для них привлекательным.

Лиза нахмурилась.

– Не думаю, что у моего мужа был комплекс неполноценности, – возразила она.

– Возможно, – согласился Морган, – но у него имелись проблемы иного толка.

Лиза внутренне напряглась.

– Какие?

Лейтенант испытующе посмотрел на нее.

– Вы не в курсе его финансового положения? – наконец осведомился он.

Холод в груди стал резче, неприятнее.

– Нет... – созналась Лиза.

Морган несколько секунд продолжал в упор смотреть на нее, видимо, что-то просчитывая в уме, а потом произнес:

– Пожалуй, я могу сообщить вам некоторые подробности полученной мною конфиденциальной информации. – Он как-то нехорошо усмехнулся и тут же со вздохом добавил: – Тем более что вы так или иначе узнаете о ней буквально завтра.

– Почему? Что это за информация? – насторожилась Лиза.

– Отвечаю по порядку: пять месяцев назад ваш муж взял кредит в одном из банков, надо заметить, весьма внушительную сумму, под огромный процент, и завтра как раз наступает крайний срок выплаты денег. – Морган покосился на дисплей мини-компьютера и добавил: – Если учитывать, что он не платил по процентным ставкам, то сумма уже превысила здравый предел финансовых возможностей не только преуспевающего журналиста. Боюсь, что ваш муж пытался прокрутить какую-то финансовую аферу, но у него не получилось. Он мог оттянуть свое банкротство, осуществляя выплаты по процентам, но не сделал даже этого. Значит, ему нечем было платить по обязательствам, и потому его уход в виртуалку не кажется мне чем-то из ряда вон выходящим. Он был обречен и знал это, потому, вероятно, решил провести последние отпущенные ему недели там, где его сознание нашло свой рай, соответствующий его представлениям об Эдеме.

Эта новость обрушилась на Лизу так, словно огромная глыба камня весом в несколько тонн придавила, подмяла ее под себя.

– Могу я взглянуть на сумму долга? – наконец произнесла она.

– Пожалуйста. – Морган повернул к ней свой карманный компьютер.

От цифры, что высветилась на экране рядом с исходной суммой займа, ей не стало легче, наоборот, дыхание окончательно сперло в груди.

Вот черт... Это же прорва денег! За такую сумму можно купить небольшой космический корабль!.. Во что же ты вляпался, Сереженька?!

Несколько минут она не могла произнести ни слова.

Сломав сигарету, Лиза дрожащими пальцами достала другую, прикурила, даже не ощущая вкуса дыма. Морган тактично молчал, все это время продолжая изучать ее бледное, красивое лицо.

– Я буду вынужден наложить временный арест на ваш социальный статус, – наконец нарушил он затянувшуюся паузу в разговоре.

Лиза, погрузившаяся в свои мысли, не сразу уловила суть сказанного, а когда до нее наконец дошло, что именно собирается сделать Морган, то первой ее реакцией была беспомощная, недоверчивая полуулыбка.

– Почему? – безуспешно пытаясь справиться с предательской дрожью в голосе, спросила она. – Вы в чем-то подозреваете меня?!

Лейтенант выдержал взгляд ее расширенных глаз и ответил:

– Предварительно вам будет инкриминировано преступное бездействие, – ответил он, одновременно пряча в нагрудный карман унифицированную карточку Лизы. – Следствие покажет, присутствовал ли в данном случае злой умысел с вашей стороны. Если состав преступления не будет обнаружен, то через пару дней вас восстановят в правах, с соответствующей денежной компенсацией на ваш личный счет.

Господи... Это же сущий бред...

Лиза все же заставила себя поднять взгляд, оторвав его от декорированной под дерево пластиковой столешницы.

– Вы хотите сказать, что я... – Голос Лизы сорвался, и она добавила уже тише: – Мы просто поссорились, и я ушла из дома, понимаете? Я же не знала, что он умрет!..

Морган был сама невозмутимость. Становилось очевидно, что лейтенант видел на своем веку гораздо больше, чем это могло показаться, исходя из его возраста и звания. В данный момент он был похож на вежливую гранитную глыбу.

– Сожалею, но я не уполномочен делать какие-либо выводы, – непреклонно ответил он. – С этой минуты вы обязаны следовать установленной процедуре. – Он вытащил миниатюрный инъектор. – Вашу руку, пожалуйста.

Лиза повиновалась скорее машинально, чем сознательно.

Сейчас всадит микропередатчик под кожу... – неприязненно подумала она, и опять испугалась своему подсознательному видению процедуры. Откуда? Откуда я могу знать, что он должен сделать?! – Мысль была панической, заполошной.

– Это абсолютно безболезненная процедура, – словно угадав ее мысли, произнес Морган. – Сейчас я имплантирую вам микропередатчик, который работает от тепла человеческого тела. – Он прижал головку инъектора к ее запястью и мягко сдавил его. Лиза действительно ничего не почувствовала, только на том месте, куда пришелся укол, осталось крохотное розовое пятнышко.

– Процедура ограничения гражданских прав вам известна?

В душе у Лизы продолжала вспухать какая-то темная волна не то горечи, не то обыкновенной неприязни к этому вежливому, холодному, словно кусок космического льда, представителю Муниципальной службы безопасности. Она хотела надерзить ему, как строптивая школьница занудному учителю, но что-то удержало ее, словно кто-то невидимый, но смутно знакомый шепнул на ухо: «Не связывайся с ним... Пусть говорит побыстрее и проваливает!..»

Странно было слышать внутри себя этот шепот, будто у законопослушной, ничем не примечательной по своей судьбе и воспитанию женщины за оболочкой внешних реакций оказалось спрятано нечто потаенное.

– Нет... – ответила она, спохватившись.

Морган удовлетворенно кивнул.

– Я поясню, – произнес он. – Вы можете свободно перемещаться в пределах города, но обязаны всегда иметь при себе мобильный телефон. По первому вызову вы должны явиться в указанное учреждение для проведения следственных процедур. Вам выдается временная карточка с ограниченным кредитом. Не советую приближаться к космопорту, – предупредил он. – Передатчик, имплантированный вам под кожу, тут же поднимет тревогу и сообщит об этом на центральный пост. Если вы действительно просто поссорились с мужем, то все ваши неприятности завершатся в течение ближайших двух суток.

– Я поняла. – Лиза уже кое-как справилась с колотившей ее нервной дрожью, и теперь ей хотелось как можно скорее остаться одной. Ей было над чем подумать, переживания бродили в душе, будто заблудившиеся души в мифическом аду, и поэтому она действовала словно в полусне. Покорно выслушав еще несколько наставлений лейтенанта Моргана, она кивнула, едва понимая, о чем он говорит, а потом, когда он вышел, долго сидела, прислушиваясь к голосам в соседних комнатах, и только когда в последний раз хлопнула входная дверь квартиры, она вдруг вновь горько и безудержно разрыдалась.

* * *

Выплакавшись, Лиза почувствовала некоторое облегчение.

На душе было пусто, словно оттуда разом вымели все человеческое. Смерть Сережи уже стала для нее свершившимся фактом, мысль об этом прижилась где-то в уголке опустевшей души и ранила, саднила словами Моргана: «Вам будет инкриминировано преступное бездействие».

Сидя на кухне, откуда почему-то не решалась выйти, она долго и болезненно перебирала в памяти скудные вехи их короткой совместной жизни.

До момента их случайного знакомства, состоявшегося несколько месяцев назад, Лиза совершенно не верила в любовь с первого взгляда, считая это понятие романтическим вздором, который более присущ литературным романам, чем реальным человеческим взаимоотношениям.

Действительно, с чего это вдруг ей столбенеть на улице, а затем очертя голову бросаться в сомнительную интрижку со случайным знакомым, когда жизнь вполне ясна и понятна, все планы разложены по своим полочкам, и каждый шаг вперед вполне обдуман, конкретен и...

А ведь все-таки это случилось.

Так бывает. Человек сам формирует свою теорию вероятностей и допущений, но выношенная в душе схема мирового устройства не всегда оказывается верна. Сколько людей оканчивали свою жизнь или, напротив, находили свое счастье с банальной мыслью, внутренним вскриком: нет, это не со мной... такого не должно было случиться!..

Случается. Выскакивает из-за поворота улицы потерявший управление флайер, с крыши срывается сосулька или кровельный лист... или, например, выходит из кафе напротив незнакомец, останавливается, прикуривает сигарету, поднимает взгляд, и вдруг что-то обрывается в твоей душе...

Воспоминания о том дне, ставшем уже далеким, потускневшим, больно задели воображение, заставили пальцы судорожно сжать мокрый от слез носовой платок, которым она пыталась унять то и дело срывающиеся с ресниц слезинки.

Да, они познакомились случайно. Сергей вышел из кафе, прикурил сигарету и остановился, напряженно глядя по сторонам, словно подсознательно ждал их встречи, и Лизе, которая стояла на противоположной стороне улицы, пропуская поток машин, уже тогда все происходящее показалось странным, чуть ли не пугающим, будто ее внезапно повлекла к этому человеку неведомая сатанинская сила, а он нарочно задержался у входа в кафе, оглядываясь по сторонам, словно предчувствовал, ждал именно ее, и никого более...

Сейчас, вспоминая тот день, Лиза вдруг с убийственной ясностью поняла, что в тот памятный день Сергей абсолютно необъяснимо, без видимой на то причины внезапно стал для нее ВСЕМ, заполнил жизнь собой сразу, мгновенно, без каких-либо раздумий, допущений...

Будто именно его ждала всю жизнь, с самого детства, когда глупенькой девочкой завоженом глядела в сферу интервьюера на гладко выбритого мужчину, сидящего у костра полуобернувшись, так, что ясно виден его профиль. Глаза задумчиво следят за пляской огня, а губы чуть кривит блуждающая улыбка. Это был ее идеальный образ, фантом, принесенный из детства и внезапно обернувшийся реальностью – Сережей, которого она впустила в свою душу, полюбила глубоко, безоговорочно, в один миг, будто и вправду сошла с ума...

Впрочем, полюбила ли?

Теперь ей оказалось сложно ответить на этот вопрос, учитывая все случившееся впоследствии.

...За окном постепенно начинали сгущаться сумерки. Время прокрадывалось мимо Лизы тихо, неприметно, не нарушая горестного оцепенения ее мыслей.

Была ли я на самом деле счастлива с Сергеем?

В душе опять не нашлось однозначного ответа на заданный самой себе вопрос. Лиза не могла отделаться от ощущения, что неделю тому назад, в какой-то момент с ее глаз вдруг упала пелена, и тот странный, извращенный сон сознания, в котором она пребывала последние

несколько месяцев своей жизни, внезапно кончился, обернувшись незатейливой и совершенно неприглядной реальностью.

Любовь и трезвомыслие плохо совместимы друг с другом... – подумала она, заставив себя встать, чтобы согреть воды для кофе. От выкуранных сигарет во рту было сухо и противно. Гробовая тишина квартиры угнетала, напоминая о случившемся несчастье, сумерки все более сгущались, уже скрадывая детали мебелировки.

Действительно, поначалу ее жизнь с Сергеем походила на сон.

Лиза вдруг поняла, что совершенно запуталась в собственном сознании, которое все более и более казалось ей чужим, ненормальным, каким-то декоративным, что ли? Ощущать это было неприятно.

Сказка их общения прервалась ровно неделю назад совершенно странным, необъяснимым образом, точно таким, наверное, как произошло само знакомство. Просто одним утром Лиза проснулась и... испугалась.

Это утро врезалось в память болезненным букетом внезапных ощущений. Так бывает, когда по молодости переберешь на вечеринке с друзьями и просыпаешься, не помня себя, вчерашнего вечера, прошедшей ночи...

То же самое испытала Лиза в то роковое для их взаимоотношений утро.

Проснувшись, она несколько минут лежала не шевелясь, прислушиваясь к самой себе и не находя в душе ничего понятного, знакомого, объяснимого.

Словно ее разум дал внезапный сбой.

Прошло без малого несколько минут, прежде чем сознание прояснилось и из него, будто из черного омута, начали всплывать обрывки воспоминаний, медленно складываясь в картину мироощущения.

Сергей...

Она приподняла край одеяла, и в нос ей ударил тот самый противный запах.

Она скривилась.

– Сережа!.. Милый!.. – Слова срывались с губ машинально, заученно, в то время как нос сморщился от противного, тяжелого духа немытого человеческого тела. Ощущения дежавю, ирреального наложения двух картинок, двух методов восприятия, внезапно усилилось до состояния абсурда, будто внутри Лизы проснулась какая-то спящая половинка ее самой, и в то время как часть сознания пыталась умиляться, купаясь в каких-то эйфорических воспоминаниях, пронизанных неизменной нежностью по отношению к Сергею, другая половинка ее души содрогалась и корчилась от картин, которые наблюдал протрезвевший взгляд.

Белье, на котором она спала, оказалось очень сомнительной свежести, мебелировка вокруг скудная, со следами пыли, вещи раскиданы в полнейшем беспорядке, в воздухе витают тошнотворные флюиды...

Что за бардак? – зло, неприязненно подумал вдруг кто-то чужой, незнакомый... или же прочно, наглухо забытый?..

Лиза встала, болезненно переживая свою внезапную раздвоенность.

Сергей сидел в соседней комнате, за терминалом сетевого компьютера. Мерцающий свет контрольного экрана скупо освещал его сгорбленную фигуру, кабель нейросенсорного шунта петлей лежал на плече, пальцы рук в специальных перчатках впились в подлокотники кресла и застыли в этом положении.

Боже мой... Где я? Что со мной?!

Лиза застыла в дверях, ощущая неприятное прикосновение ночной рубашки к своему телу.

Ей вдруг захотелось кинуться прочь, сорвать с себя эту тонкую, несвежую одежду, вскочить под теплый душ.

Ощущение облепившей ее со всех сторон нечистоплотности буквально ворвалось в сознание, заставив содрогнуться, но... вместо того чтобы кинуться прочь, она подошла к Сергею, положила руки ему на плечи и склонилась, уколотившись щекой о безобразную щетину на его лице.

– Сереженька, милый, кушать пора, – нежно проворковали ее губы. – Утро уже.

Дьявол!.. Меня сейчас вырвет... Что за...

Этот внутренний вскрик родился и тут же угас.

Пальцы сами нашли разъем нейросенсорного шунта и выдернули его из височной области.

Сергей вяло зашевелился, его пальцы судорожно сжались. Потом он открыл глаза и вперился в Лизу мутным взглядом, в котором поначалу не угадывалось ни единого проблеска сознания.

– Что? – наконец сумел выдавить он. – Что случилось?.. – Слова выходили из его горла в виде прерывистого шепота. – Что тебе нужно?..

Лиза, прищурясь, смотрела на него.

– Завтракать пора! – резко произнесла она. – Пойдем. Посмотри, на кого ты похож.

Слова срывались с ее губ тяжело, осознанно, и Сергей вздрогнул, приходя в себя. Видимо, подобное поведение Лизы поразило его.

– Ты... с ума сошла? – Его взгляд наконец прояснился, вероятно, из-за безмерного удивления, вызванного ее словами.

– Что тебя так задело? – Лиза ощущала себя в этот момент так, будто шла по грудь в воде, против течения, сопротивляясь какому-то непонятному напору чуждой воли, которая пыталась смять, скомкать ее внезапно проснувшееся самосознание.

– Ты... Ты не можешь так разговаривать со мной!..

– Могу. И буду, – упрямо ответила она, встряхнув его за плечи. – Очнись, Сережа! – Лиза предприняла еще одну попытку ткнуть его носом в реальность. В ее душе, несмотря на непонятную абсурдность ситуации, жила уверенность, что этот человек ей действительно дорог, она на самом деле любила его, но... – Приведи себя в порядок, – попросила она, отвечая на немой, изумленный взгляд Сергея. – Нам нужно поговорить.

* * *

Разговора у них, естественно, не получилось.

К этому роковому дню Сергей уже прочно сидел на виртуалке, и восприятие реального мира давалось ему с трудом.

Лиза чувствовала себя не лучше: словно и она вместе с ним провела несколько месяцев собственной жизни в сладком мире романтических грез.

Память о их встрече с Сергеем, коротком, бурном, сумасшедшем знакомстве, свадьбе, случившейся спустя несколько дней, – странной свадьбе, на которой присутствовали всего двое постоянно ухмыляющихся, косящихся в ее сторону друзей Сергея, – память об этом никуда не делась, она жила в сознании Лизы, но все, абсолютно все предстало вдруг в ином, неприятном свете...

...Лиза сидела на кухне, за этим самым столом, болезненно переживая свое новое мироощущение, когда Сергей, пошатываясь после нескольких бессонных суток, вошел туда, ожег ее пустым, полубезумным взглядом и сел напротив совершенно обессиленный.

Его щетина уже начала курчавиться, напоминая короткую, выросшую беспорядочными клоками бороду, глаза глубоко запали, под ними лежали черновато-синие тени.

Взяв стоявший на столе кувшин с водой, он принялся жадно пить, дергая кадыком. Лиза смотрела на него, и жалость в ее душе боролась в этот момент с отвращением. Ей вдруг пока-

залось странным, ужасным то, что именно с этим человеком связаны все самые чистые, нежные воспоминания последних месяцев.

Или это был сон? Тяжкий бредовый сон?

Нет. Она не могла ответить, откуда в ней появилась такая неколебимая уверенность, но не было сомнений: они действительно жили, любили друг друга в этой реальности.

Значит, каверза, неправильность заключена в ее сознании?

– Сергей, объясни мне, что происходит? – Голос Лизы вдруг осип, лишился своей резкости, раздраженности, теперь в нем слышались испуг и растерянность.

Он поставил кувшин на стол, потянулся за сигаретой. Глубоко запавшие глаза Сергея на мгновение блеснули прежней живостью. Лиза вздрогнула. Да, это был его взгляд, пронзительный, чуть насмешливый, ироничный.

– А что, собственно, происходит? – устало переспросил он. Искра во взгляде мелькнула и погасла, оставив перед ней совершенно другого Сергея: опустив плечи, напротив сидел не человек, а наполовину высосанная, изможденная его оболочка.

– Почему тут все так... грязно, убого, зачем ты торчишь в виртуалке, что случилось с нами?! – Лизе было страшно, она поняла, что запуталась, заблудилась в своих ощущениях и уже не может отличить правду от лжи. Истерика еще не началась, но уже подкатывала к горлу щемящими спазмами.

– Ну, насчет грязи, это ты спроси у себя... – отмахнулся от ее вопроса Сергей. – А что касается остального... – Он с трудом сфокусировал свой взгляд на Лизе, и в его глазах опять проскользнуло безмерное удивление. – Знаешь, разнообразие – это, конечно, здорово, но не надо перегибать, договорились? Я работаю, а ты, похоже, стала вдруг вольно трактовать свои обязанности, милая.

Лизу покоробило от этих слов и его грубого, пренебрежительного тона.

– А в чем заключаются мои обязанности? – резко осведомилась она.

Сергей лишь устало отмахнулся:

– Сама знаешь.

Несколько минут они напряженно молчали. Наконец Сергей не выдержал, встал и произнес:

– Хватит глючить. Мне надо работать. Закончу статью, тогда и будем жить по-старому. И не надо меня больше так выдергивать оттуда, ладно?

Не дождавшись ответа, он вышел.

Целый день Лиза со злым, отчаянным остервенением убирала квартиру, выскребая пыль и грязь, скопившуюся по углам. В ее сознании царил кромешный ад, она не могла поверить, что все, происходившее с ней до сих пор, – правда. Как могла она жить тут, не замечая происходящего вокруг, пребывая в каком-то ступоре грез?

К вечеру, выскоблив все до стерильного блеска, приготовив ужин, она еще раз попыталась достучаться до сознания Сергея, но безуспешно.

Оставался выбор: либо лечь в постель и уснуть, либо бежать отсюда очертя голову.

Подсознательно Лиза была уверена: бегство от проблем – это не ее стиль решения жизненных ситуаций, но, вспомнив свое пробуждение, она поняла, что не ляжет в эту постель никогда, даже если белье трижды стерилизуют у нее на глазах.

Отвращение ко всему происходящему было подсознательно-стойким. В душе по-прежнему царил хаос, и нужно было прежде разобраться в себе, в своем, оказавшемся вдруг многоликим и непонятным «я», прежде чем решать, что делать и как жить дальше.

Оставив Сергея, который все еще торчал за компьютерным терминалом, короткую записку, она прижала ее тарелкой с бутербродами и ушла.

Вернувшись сегодня, Лиза застала Сергея мертвым.

Глава 2.

Александрийск. Район Спринг-Роуз... Этой же ночью...

За ту неделю, что Лиза отсутствовала дома, она мало что смогла выяснить о реальном положении дел. Пару раз она звонила матери, но не хотела беспокоить ее раньше времени своими переживаниями, связанными с мужем, поэтому разговоры оказывались бессодержательными: «Как дела? Что делаешь? Ладно, перезвоню позже...»

Мать Лиза помнила отлично, помнила дом, где жила до знакомства с Сергеем, отца, который ушел из семьи лет десять назад и улетел на другую планету, а вот относительно работы в ее памяти зиял подозрительный провал, больше похожий на частичную амнезию.

Этим вопросом, собственно, и был вызван ее второй звонок матери.

– Привет, мам! – придав своему голосу как можно больше жизнерадостности, произнесла она.

– Здравствуй, Лизонька! Как у тебя дела?

– Да все хорошо, мам, не беспокойся, – ответила Лиза, хотя на самом деле была напряжена в этот момент до предела. Она сидела в гостиничном номере, прижимая к уху трубку мобильного, а в пальцах мелко дрожала неприкуренная сигарета. – Слушай, мам, мне никто не звонил с прежней работы?

На том конце связи на мгновение повисла тишина, будто этот простой вопрос мог вызвать замешательство.

– Нет, милая, – наконец ответила мать. – А почему ты спрашиваешь об этом?

– Да так, встретила тут одного знакомого, – солгала Лиза. – Обещал перезвонить, а вот куда, не уточнил.

– Нет-нет... Никто не звонил. А как зовут этого знакомого? – тут же заинтересовалась мать.

Лиза не умела лгать. Конечно, в жизни никто не обходится без мелких уверток, уловок, но у нее никогда не было природного дара находить мгновенный выход из внезапно сложившейся в разговоре ситуации. Вполне естественно, что она запнулась, и теперь уже с ее стороны в разговоре наступила короткая пауза.

На выручку пришло все то же, внезапно очнувшееся подсознание, в котором Лиза, хоть тресни, не могла разобраться все эти дни, сколько ни пыталась.

Первое пришедшее на ум имя было мужским и звучало достаточно странно: Фьетч.

– Фьетч, мама, – машинально произнесла она и по инерции добавила: – Сержант Фьетч.

– Сержант Фьетч?! – мгновенно насторожилась мать. – Никогда не слышала о таком. Милая, у тебя все в порядке с Сергеем?

– Да, конечно... Я очень его люблю... – Слова сами собой срывались с похолодевших губ, а в голове гулко билось это, вырванное из жизненного контекста имя, которое, в купе с воинским званием, родило какую-то вспышку, болезненное, глубоко запрятанное воспоминание, взорвавшееся в душе, словно осколочная граната, но не принесшее с собой ничего, кроме этой яркой, тугой вспышки внутренней боли.

Что-то саднило, подсказывало: «Да, ты знала его, но Фьетча больше нет. Он умер».

– Ладно, мам, извини, перезвоню позже...

Прежде чем мать смогла что-то ответить или возразить, Лиза уже захлопнула панельку номеронабирателя.

Этот разговор состоялся сегодня, незадолго до полудня, а ближе к вечеру, окончательно измучившись от сомнений и догадок, она пошла на квартиру к Сергею, чтобы выяснить нако-

нец, что именно он привнес в ее жизнь и почему, ради всего святого, она не помнит собственного прошлого?..

* * *

Сумерки давно перешли в густой, бархатистый ночной мрак, в городе зажглись миллионы огней, по улицам текли, переливаясь, волны света, а над всем этим висело струящееся в неживом блеске реклам горячее марево стремящегося в заоблачную высь городского смога.

Лиза подошла к окну и долго смотрела с высоты девяносто пятого этажа на мишурное великолепие ночной суеты.

У каждого огонька внизу была своя жизнь, своя судьба, свои надежды, чаяния, амбиции... Ползли по улицам фары машин, зажигались и гасли окна бесчисленных квартир, мелькали в ночном небе яркие болиды флаеров, и лишь в ее окне застыл густой, осязаемый мрак.

Что она имела на сегодняшний день?

Мертвого мужа, забытую жизнь, обвинение в преступном бездействии и плюс ко всему этому поражение в социальных правах.

Негусто... – горько подумала она, продолжая глядеть вниз. Вспомнив про долг Сергея, выраженный в баснословной сумме, она мысленно добавила и его к списку существующих проблем. Было ясно, что просто так от нее не отстанут, уж имущество опишут и пустят с молотка в любом случае.

Плевать... – подумала она. – Переберусь к маме, а там посмотрим. Не я же в конце концов брала эти деньги.

Слезы у нее к этому часу уже кончились. После шока, вызванного событиями этого вечера, наступала депрессия, тяжелая, будто маленькая моральная смерть.

Все, что у нее было, разбито вдребезги, и жизнь показалась ей в этот момент абсолютно бессмысленной, пустой. Единственной надежной точкой опоры в этом омуте черных, подавленных мыслей оставался образ матери. Обычно они не очень-то ладили друг с другом, предпочитая соблюдать вежливую дистанцию, но сегодня все прошлые проблемы показались Лизе абсолютно надуманными, пустыми. Пришла настоящая беда, и мама осталась теперь ее последней надеждой, зацепкой за прошлое, которое она умудрилась частично потерять.

Первым порывом Лизы было позвонить ей, но это желание быстро исчезло, как только она взяла в руки трубку.

Нет, наверное, лучше поехать к ней. Остаться одной в этой квартире было жутко, и только сейчас Лиза по-настоящему заметила, что на дворе уже давно ночь.

Кредитной карточки, которую выдал ей Морган, вполне должно было хватить на мелкие нужды. Трубку мобильного телефона, номер которого записал лейтенант, она сунула в сумочку, потом взяла еще и початую пачку сигарет со стола, огляделась, но смотреть-то, собственно, было не на что.

С тяжелым сердцем Лиза вышла из квартиры, оставив гореть свет во всех комнатах. Почему-то ей было страшно ходить и выключать его. Наверное, так на нее подействовала смерть, поселившаяся в этих стенах.

Спустившись вниз, она поймала такси и назвала адрес.

Водитель молча кивнул, указав взглядом на прорезь для кредитной карточки в спинке его сиденья. Лиза послушно вставила туда маленький пластиковый прямоугольник, водитель взглянул на табло бортового компьютера, удовлетворенно кивнул, и флаер, резко набирая ускорение, рванул вверх из ущелья улицы в свободное пространство над городом.

Адрес, который указала Лиза, был знаком ей с самого детства. Откинувшись на мягкую спинку пассажирского сиденья, она рассеянно смотрела вниз, на проплывающие под брюхом машины ярко освещенные городские кварталы.

Минут через десять к ней понемногу начало возвращаться некоторое душевное равновесие. На миг ей показалось, что в любом случае все должно разрешиться так или иначе.

Мысль о Сергее по-прежнему ранила сердце, но Лиза твердо пообещала себе, что обязательно разберется и уж тогда сможет понять степень своей вины перед ним. Слова лейтенанта Моргана о ее преступном бездействии оставались в душе, как заноза, которую нужно, обязательно нужно вытащить. О своих взаимоотношениях с мужем она сейчас старалась не думать: что толку перебирать в памяти не имеющие объяснения факты, когда голова пуста, а глаза опухли от слез?

Лиза очень надеялась, что разговор с мамой многое расставит на свои места. Просто она больше не будет лгать и задавать наводящие вопросы, а прямо так и скажет: мама, что за наваждение случилось со мной, как я попала в эти странные тенета и кто расставил их для меня?

Подсознательно Лиза была уверена, что мать расскажет ей все, что знает, ведь честный вопрос всегда требует честного ответа, тем более они не чужие друг другу.

Успокоив себя такими мыслями, она продолжала смотреть в окно, пока флаер не начал плавно снижаться над северной окраиной города. Лиза поняла, что это север по заметному голографическому знаку, который висел в воздухе над условной развязкой воздушных трасс, но, взглянув вниз, совершенно не узнала панорамы окрестностей.

– Эй, а почему мы летим сюда? – изумленно спросила она.

Водитель полуобернулся, вопросительно взглянув в зеркало заднего вида, чтобы увидеть лицо пассажирки.

– Вы назвали Спринг-Роуз, 125, верно? – спросил он, покосившись на миниатюрный дисплей компьютера.

– Да, – ответила Лиза.

– Ну так это почти под нами, – ответил он. – Или вы перепутали адрес?

– Нет... – растерянно произнесла Лиза, опять посмотрев вниз на панораму укрупняющихся зданий.

– Ну так что, мне снижаться или нет? – уже раздраженно переспросил водитель.

– Да, да, извините. Конечно, снижайтесь. Спринг-Роуз, 125, – на всякий случай еще раз уточнила она.

Через минуту флаер плавно опустился на плоскую крышу многоэтажного жилого дома.

* * *

Отпустив такси, Лиза осталась совершенно одна на пустой плоской крыше, которую заливал яркий свет установленных по периметру прожекторов. Вся площадь крыши была разделена на квадраты для парковки с жирными номерами, нанесенными белой флюоресцирующей краской, но лишь на некоторых местах стояли редкие машины, в основном старых, дешевых моделей.

Она вообще перестала что-либо понимать. На углу крыши действительно неподвижно висел в воздухе лазерный росчерк:

«Спринг-Роуз, 125».

Она не помнила этого места. Их дом был маленьким, всего в двенадцать этажей, и стоял он на самой окраине города, а сейчас здания тянулись еще на добрых пять-шесть километров, постепенно сбегая к окружающим город лесопосадкам циклопическими уступами своих крыш.

Отыскав глазами ближайший подъездный спуск, Лиза решительно направилась к нему.

Внутри дом оказался таким же неузнаваемым, как снаружи. Вместо опрятных, памятных ей подъездов, она вдруг обнаружила обшарпанную лестницу, на которой свет горел через этаж,

а все стены были размалеваны чьими-то потугами на изобразительное искусство в стиле самого отвратительного андеграунда.

Восемьсот шестнадцатая квартира оказалась затерянной где-то посередине этого дурно пахнущего колодца с изукрашенными стенами.

С трудом попав на нужный этаж, Лиза с облегчением обнаружила, что тут по крайней мере горит свет. Остановившись напротив обычной, ничем не памятной, совершенно безликой и неузнаваемой двери, Лиза поняла, что ее опять трясет крупная нервная дрожь.

На долгий требовательный звонок никто не ответил.

Она позвонила еще и еще раз, прислушиваясь к переливчатым трелям сигнала и гулкой тишине за плотно запертой дверью, которая пугала ее своей гробовой невозмутимостью.

Трясущимися руками она достала из сумочки трубку мобильного телефона, набрала номер.

В квартире, прямо за дверью, прозвучала отчетливая, мелодичная трель коммуникационного устройства. Ответ пришел сразу же, после первого гудка вызова.

– Да? – Это был голос матери.

– Мама? – Лиза уже не дрожала – ее внезапно охватил жар.

– Лиза, это ты? – Из-за двери при этом не доносилось ни звука, там, после сигнала коммуникатора опять наступила гробовая тишина. – Лиза, что случилось? Я беспокоюсь о тебе! Где ты?

Она не ответила, захлопнув панель.

Сердце бешено молотило в груди.

Минуту простояв в страшном потустороннем оцепенении, она опять набрала номер.

За тонкой пластиковой дверью опять отчетливо прозвучала трель, синхронно с гудком в ее трубке.

– Лиза, это ты? – Голос матери, такой знакомый, щемящий, родной, бился в крохотном динамике, заставляя ее тело покрываться под одеждой липким потом.

Слушать его дальше не было сил.

Она опять захлопнула панель, бессильно прислонилась к выступу обшарпанной стены.

Первой ее мыслью было острое сожаление, граничащее с абсурдным в данной ситуации чувством вины.

Почему я за эти месяцы ни разу не навестила ее?

* * *

Тонкая пластиковая дверь многоквартирного дома...

Лиза стояла перед ней, мысленно уже перебрав в уме все самые худшие варианты и понимая, что ни на йоту при этом не приблизилась к истине.

Отчаяние, страх и неопределенность буквально рвали на части ее душу.

Она должна попасть внутрь.

Оглядевшись по сторонам, Лиза увидела все тот же пустой коридор этажа с обшарпанными, разрисованными стенами и бурыми высохшими пятнами на полу.

Вокруг стояла звонкая тишина, лишь вдалеке, из-за двери одной квартиры то и дело доносились чьи-то злые, истеричные выкрики.

Три часа ночи... – вспомнила она цифры, которые автоматически высвечивались в индикаторном окошке мобильного телефона.

А что мне теперь терять?

Машинально закусив губу, она попыталась вспомнить, как это делали разные супермены в видеофильмах. Сцепив руки в замок, она повернулась к двери боком и вдруг, собравшись с духом, рванулась вперед, больно врезавшись плечом в район замка.

Саднящая, тупая боль заставила мгновенно онеметь ушибленные мышцы, дверь жалобно затрещала, но выдержала. В голове от встрянувшего тело удара застыл иссушающий звон. Наверное, со стороны она выглядела в этот момент под стать окружающей обстановке: бледная как смерть, растрепанная, с ушибленным плечом, бросающаяся на запертую дверь, – ни дать ни взять обкурилась девочка на вечеринке...

Тяжело дыша, морщась от боли, Лиза прислушалась.

Вокруг стояла все та же вязкая тишина. Похоже, никому не было дела до того, что творится в коридоре этажа.

Собравшись с духом, она предприняла еще одну попытку.

Дверь вылетела с внезапным, оглушительным треском, расколовшись в районе замка на длинные пластиковые щепы, одна из которых больно поранила ей руку своим острым краем. Не обращая внимания на боль, уже совершенно потеряв контроль над собой от страха и перевозбуждения, Лиза буквально ввалилась в квартиру.

Одна-единственная комната была абсолютно пуста, в ней не присутствовало даже элементарной мебелировки.

Стоило вдохнуть ее пыльную, затхлую атмосферу, чтобы понять: здесь уже давно никто не жил.

Застыв посреди этой комнаты, Лиза растерянно огляделась.

Мысли в голове путались, перескакивая с одного на другое.

Господи, с кем же я тогда разговаривала все это время?

Лизу внезапно охватила паника. Что, если это какая-то специально расставленная ловушка, и сейчас сюда придут?

Она опять прислушалась, но, кроме звуков вновь разгоревшегося в какой-то из квартир скандала, не было слышно ровным счетом ничего. Не успокоившись на этом, она вернулась в маленькую прихожую, кое-как притворила расщепленную пластиковую дверь, затем нащарила рукой выключатель на стене.

Яркий свет потолочных панелей залил собой пустую комнату, мгновенно растворив сумрак.

В помещении действительно не было ничего, кроме стандартного для всех квартир терминала сетевого компьютера.

Уже не зная, что думать, как действовать дальше, вконец измучившись своими страхами, она вновь вытащила из сумочки телефон и в который раз дрожащими пальцами набрала знакомый номер.

На компьютерном терминале трепетно заморгал огонек вызова.

Она буквально остолбенела.

После первого сигнала индикатор погас, но зато рядом в маленьком окошке вдруг вспух зеленоватый график, отражающий работу включившейся аудиосистемы терминала.

– Да? – раздался в трубке ровный, приветливый, до боли знакомый голос матери, и синусоиды на терминале взметнулись, графически отражая тембр ее голоса. – Лиза, это ты?

Бессилие липкой, одуряющей волной вдруг накатило на нее.

Выключив телефон, Лиза подняла руки к лицу, чувствуя, что вот-вот разрыдается, и только в этот момент заметила, что весь рукав до самого локтя пропитан кровью.

Господи, еще и поранилась об эту проклятую дверь... – подумала она.

* * *

Бледный рассвет занимался над городом.

Серая полоска, предвещавшая скорое утро, уныло прорисовывалась над иззубренной стеной темных небоскребов...

...В первый момент Лиза не сумела даже испугаться вида собственной крови, хотя еще вчера зрелище окровавленного, распоротого наискось рукава блузки ввергло бы ее в шок.

Вчера... Это слово вдруг потеряло всякий смысл, стало горьким, ненужным. Компьютерный терминал высился на фоне окна темной уступчатой массой, зловеще подмигивая ей изумрудным индикатором резерва питания, а Лиза, машинально зажав рану, в немом оцепенении смотрела на него, словно тот действительно был живым, и ледяной ужас все ближе подкрадывался к сердцу, грыз его, низводил разум до состояния полной прострации. Ей все сильнее хотелось закричать, дико, безудержно, в голос... кинуться прочь, но ослабевшие ноги словно приросли к полу.

Нет!.. – Эта мысль, отрицание, больше походила на истошный внутренний крик. – У меня есть прошлое, есть детство, есть мама, Сережа, есть...

Не было у нее ничего...

Сергей умер. Ее детство лежало в памяти тусклой чередой полустертых стоп-кадров, мать на поверку обернулась аудиосистемой компьютерного терминала...

Не было ни прошлого, ни будущего, ни настоящего.

Ей стоило огромных усилий сбалансировать в этот момент на грани сумасшествия, унять отвратительную внутреннюю дрожь.

Медленно, с опаской она приблизилась к терминалу сетевого компьютера, коснулась испачканным в крови пальцем сенсора активации, и матово-черный дисплей, в глубинах которого жило ее смутное отражение, внезапно просветлел, но вместо привычных виртуальных атрибутов сервисной оболочки операционной системы она увидела лишь фоновое свечение да короткую, неприятно моргающую строку текстового сообщения:

«Извините, в доступе отказано. Данный терминал заблокирован для внешних пользователей».

Коротко и ясно.

Она присела на пустой, пыльный подоконник, глядя на сереющую внизу панораму окраинных городских кварталов.

Трудно описать ад, который воцарился сейчас в ее душе.

Гробовая тишина пустой, нежилой квартиры угнетающе давила, обволакивала Лизу будто саван, даже отдаленные звуки скандала, под аккомпанемент которых она взламывала дверь, почему-то утихли.

Мама...

Ее губы и подбородок предательски дрогнули.

Как много мы начинаем понимать, лишь окончательно потеряв... Значение скольких вещей кажется обыденным, само собой разумеющимся, пока они вдруг не исчезнут из жизни, однажды и навсегда. Безвозвратно.

Почему она никогда не навещала мать? Кому понадобилось это ее душевное равновесие, лжеуспокоенность, возникающая от неизменно приветливого голоса в трубке? Кто все это время играл на струнках ее души, внушая иллюзию полноценности? Что на самом деле стало с мамой? Где она сейчас? Почему ее подменили этим компьютерным терминалом?

Протез... Это должно быть протез... Имплантированная память... – отчаянно думала Лиза, цепляясь за спасительную мысль. – Я, наверное, забыла что-то важное, значительное, быть может, я побывала в аварии, автокатастрофе? – Она готова была думать о чем угодно, принять любые допущения, лишь бы избавиться от этой страшной, сдавливающей сердце, зловещей неопределенности.

...Пока она сидела на подоконнике, подавленная, растерянная, полная дурных предчувствий, страхов и противоречий, над городом уже вовсю разгорелся рассвет. Далеко у линии горизонта облака тронул утренний багрянец восходящего солнца, начинался новый день, и

вскоре миллионы людей должны были пробудиться, выйти на улицы, а среди них и лейтенант Морган, который сегодня будет занят решением ее судьбы.

Не буду я отвечать на его вопросы, пусть он сначала ответит на мои... – с непонятной внутренней озлобленностью подумала Лиза о Моргане, покосившись при этом на терминал компьютера, который по-прежнему казался мертвее мертвого.

Ровный свет пустого монитора, никакого намека на обычную сервисную оболочку, ничего.

Его операционная система была кем-то сознательно заблокирована, и все же он начинал работать, оживал в том случае, если был набран соответственный телефонный номер.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Лиза еще раз воспользовалась своим мобильным коммуникатором.

Ровный голос матери ответил ей, больно уколов сердце.

Ладно... – Ее вдруг охватила долгожданная, холодная злость. – Я все равно узнаю правду... какой бы горькой для меня она ни оказалась.

* * *

В коридоре этажа навстречу Лизе шла пожилая, опрятно одетая женщина.

– Извините... – Лиза остановилась.

Старушка, которая только что манила к себе тощего, облезлого кота, предлагая тому скромное угощение на одноразовой пластиковой тарелочке, разогнулась, внимательно, но без тени испуга посмотрев на Лизу.

– Ну, чего тебе? Чай, заблудилась?

Ее взгляд не казался враждебным, скорее наоборот, снисходительно-сочувственным, и Лиза решилась задать мучивший ее вопрос:

– Вы не подскажете... – Она запнулась, а потом выпалила сбивчивой скороговоркой: – Здесь был дом... Двенадцатиэтажный дом, на самой окраине, Спринг-Роуз, 125, серый такой, с беленькими вставками вокруг окон?... – Все ее существо сжалось в похолодевший комок, ожидая ответа.

– Был, – поразмыслив, согласно кивнула старушка. – Лет двадцать уже как снесли, построили вот эту многоквартирку. – Она хотела что-то добавить, но вдруг осеклась, заметив, как смертельно побледнела эта странная девушка.

– Спасибо... – выдавила Лиза, не ощущая под ногами твердого пола. – Спасибо... Извините...

Старушка так и простояла с тарелкой в руках, глядя ей вслед, пока двигавшаяся, словно сомнамбула, фигура не скрылась на лестничной площадке этажа.

– Ходят тут... – неодобрительно покачала головой женщина. – Себя не помнят, как напьются... Барсик, иди сюда, мой хороший...

...Лиза действительно не помнила себя. Несколько лестничных пролетов она прошла будто в полусне. Слова старушки окончательно вышибли ее из реальности, смели в душе все, на что минуту назад мог хоть как-то опереться ее разум.

Двадцать лет... Эта цифра не укладывалась в голове.

Все началось с Сережи... – думала она, машинально поднимаясь по загаженным лестницам. Мертвый муж, своего отношения к которому Лиза уже не бралась оценивать однозначно, вдруг оказался в ее сознании единственной зацепкой за этот мир, последним, неоспоримым фактом.

Но... разве спросишь что-то у мертвого?

Лиза остановилась на очередной лестничной площадке, даже не заметив того, как машинально вызвала лифт, и только когда его створки с шипением открылись, она вздрогнула, очнулась.

Войдя внутрь, она коснулась кнопки с символом «крыша».

Кабина с ощутимым ускорением рванула вверх.

* * *

Всю дорогу домой, сидя в автоматическом флаере, у которого, к счастью, не было водителя, Лиза лелеяла в своей душе одну-единственную мысль:

Я была больна...

Это был не бред, не сумасшествие, за этой мыслью существовала реальная почва, и даже голос матери, записанный в компьютере пустующей квартиры, находил свое объяснение в той схеме, на которую, как на последнюю надежду сохранить рассудок, уповало ее сознание.

Современное общество гуманно. Оно не убивает своих граждан и не бросает их в беде. Смертная казнь отменена на Кассии много веков назад, ни одного младенца с явными отклонениями от нормы не усыпили в роддоме, ни один калека не обойден заботой государства. Существует целая программа реабилитации. Если она попала в катастрофу, осталась калеккой, потеряла память, то нужно позвонить Моргану, все рассказать, пусть он справится об этом и потом расскажет ей.

Несколько раз Лиза порывалась позвонить лейтенанту прямо сейчас, поведать о страшных ночных событиях, о том, что она обнаружила в квартире матери, но ее удержало даже не благоразумие, а элементарное незнание его распорядка дня. Было только начало шестого утра, и Дейвид Морган, наверное, спал.

Получив назад заметно обедневшую кредитную карточку, Лиза покинула флаер на крыше своего дома и в половине шестого утра отворила двери квартиры.

...Переступив порог, она почувствовала, как к ней внезапно вернулся неосознанный страх, но Лиза толком не успела ни испугаться, ни осмотреться в густых сумерках коридора – единственном помещении, где, уходя, решила выключить свет, – внезапно в ее сумочке приглушенной трелью прозвучал тональный сигнал вызова.

– Да?! – Ее пальцы вцепились в трубку мобильного телефона, будто она желала задушить ни в чем не повинный аппарат.

– Госпожа Стриммер? – раздался в коммуникаторе голос Моргана, вполне спокойный и ничуть не заспанный.

– Да, это я, лейтенант.

– Очень хорошо. Просто великолепно. Я рад, что вы правильно истолковали все мои предписания.

Лиза не нашлась, что ответить, лишь шумно дышала в трубку, не понимая причин его раннего звонка.

– Насколько я понимаю... – лейтенант на секунду замолчал, видимо, глядя в этот момент на экран монитора, – вы всю ночь находились там же, где и сейчас, у своей матери, проживающей на Спринг-Роуз, 125, квартира 816, верно?

– Да, – машинально согласилась с ним Лиза, с трудом соображая, почему он решил, что она там, на Спринг-Роуз, а не тут, на пороге собственной квартиры?

И вдруг ее осенило. Протянув руку, она включила свет, взглянула на раненое запястье и поняла, что распоролла кожу об острую пластиковую цепу как раз в том месте, куда Морган имплантировал ей передатчик. Черт... Его же просто вымыло из раны вместе с кровью, и малюсенький шарик валяется теперь где-то на полу пустой квартиры...

Она похолодела. Как теперь объяснить Моргану, что все это произошло не специально?

Господи, одни неприятности... Как назло...

Лиза открыла было рот, чтобы попытаться прояснить ситуацию, но лейтенант опередил ее.

– Отлично, – повторил в трубке голос Моргана, который, к счастью, не мог сейчас увидеть ее лица. – Оставайтесь на месте, госпожа Стриммер, минут через десять за вами подъедет машина. И не советую дергаться, я уже отдал приказ об оцеплении квартала.

Эти слова лейтенанта прозвучали словно гром среди ясного неба.

Он что, решил меня арестовать?!

Лиза стояла, не зная, что ей и думать. Несчастья вперемешку с дикими странностями обрушивались на нее одно за другим, будто кто-то невидимый намеренно бил в цель.

– Что значит «оцепление квартала»? – резко спросила она.

– Это значит, что у вас возникли определенные проблемы, госпожа Стриммер, – раздраженно ответил лейтенант. – На моем столе лежит ордер на ваш арест, и будет лучше, если вы проявите благоразумие!

Он отключился так же внезапно, как позвонил, оставив Лизу стоять в прихожей.

Слова лейтенанта оглушили ее. Она ничего не понимала, лишь в сознании девушки все еще стыл отголосок его фразы: «На моем столе лежит ордер на ваш арест...»

Подбородок Лизы предательски дрогнул. За что? Почему? По какому праву?.. – Ни один из заданных самой себе вопросов не имел иного ответа, кроме дрожащей, растущей внутри обиды и ощущения полнейшей беспомощности.

Лиза посмотрела на трубку коммуникатора, зажатую во вспотевшей ладони, и поняла, что кисть руки мелко, противно дрожит.

Случайно или нет, но обстоятельства сыграли с ней дурную шутку... Она уже поняла, что не стоит ждать от управления муниципальной безопасности какого-то сочувствия или содействия, скорее наоборот. Сейчас они обнаружат расколотую дверь пустой квартиры на Спринг-Роуз, найдут в луже крови на полу случайно вымытый из пореза микропередатчик, и тогда ей уже будет сложно доказывать свою невиновность и лояльное отношение к власти. К тому же Морган должен был к этому моменту знать, кто она такая на самом деле, но ни в его тоне, ни в жестких, предупреждающих формулировках не прозвучало ни грамма сочувствия или сострадания.

Значит, ни о каких программах посттравматической реабилитации не могло быть и речи, иначе он бы общался с ней бережно, осторожно, не как с заведомой преступницей, а как с больным ребенком...

Мысли были злыми, практичными, холодными, будто в этот момент за Лизу думал кто-то другой.

Боже, в чем меня можно обвинять? Разве что хотят повесить Сережины долги, страхуются, чтобы не сбежала? – Это уже явно вопрошало ее собственное, не на шутку напуганное сознание.

Подобное раздвоение личности изматывало ее. Она начинала внутренне ненавидеть себя.

Господи, ну почему я не сказала ему все, как было на самом деле?

«Единожды солгавшей, кто тебе поверит?» – цинично усмехнулся в ответ на эту мысль ее распоясавшийся внутренний голос.

Лиза наконец переступила порог прихожей и без сил присела на краешек кресла в гостиной.

Откровенно говоря, она устала бояться. Она хотела знать, куда Сергей потратил такую прорву денег, чем был вызван его уход в виртуальную реальность и почему все это происходило на фоне странного помутнения ее собственного сознания, провала в памяти, которую теперь приходилось собирать по осколкам?!

Естественно, что в камере, под замком, ей будет немислимо трудно разобраться в происходящем. Лиза никак не могла отделаться от ощущения, что, начиная со вчерашнего вечера, ее кто-то гонит, преследует, что существует конкретный виновник ее несчастий, несущий ответственность за смерть Сережи и за голос матери, томящийся в программах квартирного терминала Сети.

Единственной зацепкой, источником информации в окружающем ее бардаке, был домашний компьютер Сергея.

Как же я сразу не догадалась?! – Лизу прошиб озноб от этой мысли. – А вдруг они уже выпотрошили его?

Вскочив, она кинулась в кабинет Сергея.

Компьютерный терминал стоял на месте, целый, нетронутый. Охваченная нехорошим предчувствием, она нагнулась к нему, коснулась сенсора активации и... он ожил!

Лизу охватило внезапное возбуждение. Она лихорадочно пролистала каталоги, убеждаясь, что файлы пользователя – какие-то Сережины заметки, черновики, наброски к статьям – все на месте.

Схватив хозяйственную сумку, Лиза торопливо нагнулась, заглянула в простенок за терминалом, желая выдернуть шнуры соединения и... остолбенела.

Кабели питания и оптико-волоконное соединение – все находилось на своих местах, но шнуры бессильно расползлись по полу, вынутые из соответствующих разъемов.

Терминал был отключен, как от компьютерной, так и от энергетической сети здания.

Она разогнулась, посмотрела на контрольный экран, убеждаясь, что машина работает, более того, – она якобы соединена с Сетью!

Секунды... Драгоценные секунды, потраченные на замешательство, утекали как вода в песок. Господи, сколько глупостей она уже наделала! Что же теперь? Как быть дальше?!

Она думала над этим, а руки уже срывали пломбы, наложенные вчера сотрудниками МСБ, отвинчивали крепления кожуха. Тот снялся легко, обнажая каркас со множеством вставленных в него схем.

Рискуя получить удар током, Лиза лихорадочно принялась выдергивать их из гнезд, складывая как попало в объемистую хозяйственную сумку. Она лоботомировала терминал, бесцеремонно вырывая его компоненты, пока монитор не вспыхнул ровным полем пустого экрана.

Действуя как в полусне, Лиза схватила сумку и опрометью кинулась назад, на крышу дома.

Она еще не понимала, что за сатанинская сила проснулась у нее внутри, но чей-то до боли знакомый рассудительный шепот настойчиво подсказывал: «Морган не знал о твоём появлении дома, значит, крыша чиста в смысле наружного наблюдения. Пока эти лохи из МСБ очухаются, прокачают Спринг-Роуз, ты будешь далеко, вне их досягаемости».

Зачем ей быть далеко, почему нужно скрываться от властей, что за противостояние навязывает ей непонятная внутренняя воля, Лиза не знала, но с удивлением обнаружила, что это неповиновение не идет вразрез с ее действительным нежеланием подчиниться холодным приказам Моргана.

Глава 3

Клуб «Старое Железо», южная окраина Александрийска. Полдень...

Лиза очень устала от своих ночных мытарств.

Что бы там ни нашептывало подсознание, какие бы скверные подозрения относительно собственной сущности ни испытывала Лиза, но голод, жажду и потребность в сне она ощущала абсолютно однозначно, болезненно, так же, как любой нормальный человек.

В этот бар с сомнительным названием Лизу занесло случайно: опасаясь, что ее будут искать, она в своих блужданиях по городу постоянно озиралась по сторонам и, завидев броскую расцветку патрульной машины Муниципальной службы безопасности, тут же спешила укрыться в ближайшем магазине или любом открытом заведении, оказывавшемся поблизости.

А прятаться ей приходилось часто, чуть ли не на каждом шагу. Раньше Лиза и подумать не могла, что в их городе так много полицейских.

Пять минут назад она, бесцельно бредя по окраинной улице южного сектора, издали увидела проблесковые маячки очередной патрульной машины и поспешила нырнуть в гостеприимно распахнутую дверь, под первую попавшуюся вывеску.

Оказавшись в полутемном зале, она устало откинула упавшую на глаза прядь волос, затем, чтобы не маячить у входа, прошла в зал и села за один из столиков у дальней стены. Окон в полуподвальном помещении не оказалось, и Лиза испытала от этого внутреннее, подспудное беспокойство, хотя, убей бог, она не понимала – почему? Зачем ей машинально садиться лицом ко входу и ощущать резкий дискомфорт из-за отсутствия окна с видом на прилегающий к зданию тротуар?!

Непонятные ощущения. Чужие. Пугающие.

Продолжая озираться по сторонам, Лиза с усталым безразличием отметила, что это не бар, а клуб, о чем свидетельствовала броская надпись над подиумом, где в вечерние часы, вероятно, выступал оркестр или какая-нибудь рок-группа.

Пока она осматривала помещение, в глубинах полутемного зала возникло движение. Вскинув голову, она поняла, что к ней приближается дройд-официант.

Странное это оказалось создание, вполне под стать окружающему интерьеру. На человекоподобном роботе не присутствовало даже намека на какую-либо дешевую пеноплоть, – наоборот, сияющий тусклым серебристым покрытием металл эзоскелета был демонстративно выставлен напоказ. Полые трубочки, в которых пульсировала, продвигаясь заметными точками маслянистая гидравлическая жидкость, казались издали кровеносными сосудами, сервоприводы тихо повизгивали при каждом движении дройда, и все это, вкупе с сумеречным освещением зала, создавало какую-то жутковатую, не сразу понятную эстетику, словно Лиза вдруг окунулась в иной мир, существующий параллельно привычному для нее окружению.

Через несколько секунд она поняла, что приближающийся к ней робот не официант, а официантка, и это открытие еще больше смутило ее.

Действительно, изготовители дройда постарались придать машине максимум черт женственности, и нужно сказать, что выполнено это было профессионально, на высоком уровне мастерства, вероятно, граничащего с искусством, потому что вид этого существа из металла и пластика не казался ни грубым, ни отталкивающим, скорее наоборот, он сразу приворожил Лизу той самой непонятной ее разуму, но задевшей струнки души эстетикой, которую она оказалась не в силах отвергнуть или проигнорировать.

В облике дройда не было ничего кричащего, вульгарного. Тонкие черты искусственного лица не выражали ни кукольной глупости, ни насмешки создателей над человеческим подобием, – у нее было свое лицо, лицо машины, но Лизе показалось потрясающим, как сочетание

металлопластиковых линий может нести в себе столь серьезный отпечаток навек застывших эмоций: официантка казалась задумчивой, что-то понимающей, доброжелательной... и в то же время какой-то недостижимой, потусторонней, вырванной из контекста непонятного мира механореалистических образов...

Этот миг потрясения, новых, неведомых ранее впечатлений затянулся ровно настолько, сколько потребовалось дройду, чтобы войти в круг света, конусом падающего от потолка к столу.

На расстоянии в несколько метров в глаза бросились уже иные детали, тут же разбившие, рассеявшие наваждение таинственности.

Металлопластиковые кожухи, призванные не скрывать под собой работающие сервоприводы, а скорее имитировать некую, приближенную к человеческому телу анатомию, были уже достаточно изношены, обшарпаны, во многих местах их покрывали царапины, а на том месте, которое у человека принято обозначать термином «зад», алел отпечаток чьих-то напомаженных губ, и тут же наискось шла надпись, выполненная посредством той же губной помады:

«Я люблю тебя, детка».

Лиза, несмотря на усталость и подавленность, слабо улыбнулась, глядя на это достаточно фривольное выражение человеческих чувств.

Ей сразу стало понятно, что за публика наполняет в вечернее и ночное время зал клуба, но Лизу это не смутило, а, наоборот, несколько успокоило, – по крайней мере не будут приставать ни с какими дурацкими расспросами.

– Кофе, – произнесла она, вставляя в прорезь на груди дройда свою кредитную карточку.

Через секунду тонкий пластиковый прямоугольник со щелчком вылетел назад.

– Сожалею, но ваш кредит заблокирован, – вежливо произнесла официантка.

Лиза вздрогнула. Отчаяние вдруг вновь накатило на нее волной бессилия.

Черт... Это Морган. Я бы могла догадаться, что карточку не стоит теперь пускать в ход.

За то время, пока в ее голове промелькнули эти короткие, панические мысли, дройд-официантка успела внимательно посмотреть сначала на нее, затем на объемистую хозяйственную сумку и, тонко подвывая сервоприводами, удалилась.

Лиза страшно устала, ей хотелось есть, но теперь становилось понятно, что никаких шансов благополучно скрываться от официальных властей, чтобы разобраться в себе, в своем ненормальном, фрагментарном мироощущении, у нее, собственно, и не было. Система городского самоуправления действовала спокойно, методично и эффективно. Лиза поняла: ее ни за что не выпустят из города, и вопрос их встречи с лейтенантом Морганом – всего лишь дело времени...

...Пока она размышляла над создавшейся ситуацией, в зал из глубины служебных помещений вошел молодой парень. По тому, как он напрямик направился к ее столу, Лиза мгновенно поняла, что это кто-то из администрации клуба.

– Я уже уйду, – торопливо произнесла она, когда тот приблизился настолько, чтобы слышать ее слова. Меньше всего Лиза хотела влипнуть в очередные неприятности, но жест парня предупредил ее попытку отодвинуть пластиковый стул и встать.

– Уходить вовсе не обязательно. – Он доброжелательно улыбнулся.

Лиза настороженно, недоверчиво посмотрела на него.

На вид ему было лет двадцать пять, не больше. Бледное лицо молодого человека с характерно заостренными чертами, пронзительные, слегка покрасневшие глаза с припухшими веками и короткая стрижка ясно говорили о том, что большую часть жизни он проводит в замкнутых пространствах наедине с машинами компьютерной сети. Лизу на миг кольнуло предчувствие. Может быть, попросить его о помощи? – подумала она, но тут же мысленно отменила такой вариант. Простой виртуальщик вряд ли окажется полезен в ее дикой ситуации, а дорогой костюм и случайно блеснувший из-под манжета таугериновый сплав наручного ком-

муникатора заронили справедливое подозрение, что это не охранник и даже не администратор клубного зала, случайно оказавшийся здесь в неурочный для заведения час.

Нет, все-таки нужно уходить... – решила она, вновь попытавшись встать.

Однако события развивались явно не по ее сценарию.

– Меня зовут Сэм, – представился молодой человек, мягко, но настойчиво усаживая Лизу обратно. – Наш дройд сообщил, что у вас проблемы с кредитом?

Она старалась совладать с собой, но, видимо, получилось плохо, и в его глазах мелькнуло сочувствие.

– Чашку кофе могу предложить за счет заведения. – Он покосился на объемистую хозяйственную сумку из черного пластика, которую Лиза поставила рядом со стулом, и осторожно поинтересовался:

– Принесла что-то на продажу, крошка?

Лиза не поняла его намека, но на всякий случай пожала плечами, ногой задвинув сумку под стол, с глаз подальше.

– У меня проблемы не только с кредитом, – тихо ответила Лиза, стараясь по возможности оставаться максимально честной. – Боюсь, мне нужно идти. Мою кредитную карточку наверняка отслеживают.

Сэм понимающе кивнул.

– Не нервничай, – ответил он. – По-моему, в нашем районе у всех рано или поздно возникают проблемы с властями. – Он почему-то усмехнулся, скорее всего в ответ каким-то своим мыслям, и, внимательно посмотрев на Лизу, добавил вслух:

– Благополучные районы лежат на севере, верно?

Лиза пожала плечами, внутренне поразившись тому, что не помнит даже такой малости, как социальная планировка родного города. Неужели те двадцать лет, о которых говорила старушка на Спринг-Роуз, – чистая правда?!

Эмоции опять предательски отразились в мимике ее лица, и Сэм, который почему-то не сводил с нее глаз, истолковал это смятение по-своему.

– Нет повода волноваться относительно карточки, – заверил он Лизу. – Наши машины очень умные. Они никогда не дают информацию в Сеть, если что-то неладно со счетом. Копы сейчас мчатся как бешеные в универсальный магазин на другой конец города. Проверка счета осуществлялась отсюда.

– Здорово... Своеобразная забота о клиентах. – Лиза опять вымученно улыбнулась, а Сэм, наоборот, насторожился.

– Что-то я не совсем понимаю... – Он полуобернулся, сделав знак дройду, чтобы тот принес два кофе. Когда чашки оказались на столе, Сэм вновь покосился на задвинутую под стол сумку, потом перевел взгляд на Лизу и вопросительно приподнял бровь, видимо, считая, что проявил достаточно любезности для того, чтобы любопытствовать и дальше.

Лиза совершенно не понимала, чем вызван повышенный интерес к ее сумке, но она так устала и морально, и физически, что готова была смириться с этим. Пусть сидит и пялится куда угодно. Ей бы только немного прийти в себя, успокоиться.

Станный он какой-то... Она покосилась на Сэма, поймала его взгляд и вдруг смутилась. До Лизы вдруг дошла вся двойственность ситуации, особенно когда он потянулся за кофе и из-под манжета опять тускло блеснул коричневатый таугерин.

– Слушай, я вижу, у тебя проблемы, – произнес Сэм, словно прочитав ее мысли. – Давай так... – внезапно предложил он, – я посмотрю, и если там отыщется что-нибудь стоящее, то дам тебе нормальную цену прямо сейчас.

– А что здесь покупают? – безразлично спросила Лиза, отпивая глоток обжигающего кофе.

Сэм поперхнулся, подозрительно покосился на нее и удивленно произнес:

– Ты пришла в «Старое Железо», наш дройд просканировал твою сумку и доложил, что там компьютерные компоненты. И после этого ты начинаешь задавать такие вопросы...

Лиза лишь покачала головой в ответ на явное подозрение, промелькнувшее в его глазах.

– В этом нет ничего странного. Я забрела сюда случайно, – созналась она. – А эти части компьютера не продаются.

– Дороги как память? – расслабляясь, поинтересовался Сэм.

Лиза не была расположена поддерживать разговор в подобном ключе. У нее и так хватало проблем. Нужно было пытаться решить их, а не наживать себе новые. Неожиданно, порывисто встав из-за стола, она взяла сумку и сказала, посмотрев на Сэма, который поднялся синхронно с ней:

– Спасибо, что не засветили мою карточку. Быть может, я зайду позже.

Он усмехнулся, пожал плечами, словно хотел сказать: ладно, мне все равно.

Уже на пороге Лиза обернулась:

– Спасибо за кофе, Сэм.

Он проводил ее долгим взглядом и неожиданно сказал вслед:

– Приходи вечером. Может, передумаешь к тому времени. В любом случае тут весело, а проблему ужина я возьму на себя.

Лиза совершенно не ожидала подобного предложения. Ее сознание жило категориями абсолютно иных проблем, и она словно бы выпадала в своих мыслях из нормального измерения, поэтому смысл сказанных слов не сразу дошел до нее.

– Я подумаю... – ответила она, покидая клуб.

Господи, как все запуталось...

* * *

Никогда город не казался ей таким враждебным и неудобным.

Лиза поймала себя на мысли, что раньше она просто не замечала того количества людей, которые текли по его улицам нескончаемым потоком. Все они казались ей сейчас врагами, взгляд настороженно просеивал толпу, пытаясь выискать среди спешащих по своим делам горожан тех, кто вышел на улицу с единственной целью: найти и арестовать ее.

Через несколько часов бессмысленных, лишенных какой-либо логики и цели блужданий она окончательно выбилась из сил.

Она не понимала происходящего, не помнила себя, и в душе у нее стремительно заканчивались остатки той иррациональной решимости бороться, прилив которой она испытала ранним утром сегодняшнего дня.

Начинало вечереть.

Присев на скамейку в одном из многочисленных городских скверов, затерявшемся среди кварталов сверхвысотных домов, Лиза открыла сумочку и вытащила мобильный телефон, который был сознательно отключен ею еще утром.

Набрав номер, она сразу же услышала ответ.

Морган, вероятно, целый день ждал ее звонка. Лейтенант хорошо понимал, что, лишенная средств к существованию, связей, знакомств, она очень быстро пойдет ко дну, разочаруется в своем спонтанном решении бежать и сопротивляться.

– В чем меня обвиняют? – сухо спросила Лиза, не представившись и не сочтя нужным поздороваться.

– Это вы, госпожа Стриммер?

Молчание. Морган несколько секунд сопел в трубку, потом вздохнул:

– Я надеюсь вы еще не успели наделать глупостей?

– Нет, не успела, – в голосе Лизы звучала открытая неприязнь. – Я хочу знать, в чем меня обвиняют.

Несколько секунд опять прошло в молчании.

– В вашем деле обнаружилось слишком много странностей, – уклонился от прямого ответа лейтенант. – Я не могу объяснить, почему по адресу бывшей квартиры вашей матери оказался установлен компьютер с программами аудиосинтезатора и блоком псевдоинтеллекта.

– Для меня это тоже было неожиданным и страшным сюрпризом, – резко ответила Лиза. – Я надеялась, что вы объясните мне это. Разве у меня не было травмы? Я думала, что происходящее – следствие какой-то программы реабилитации...

– Буду вынужден разочаровать вас, мэм. Извините... Не обрывайте связь... – Он явно отвлекся на что-то, но «вернулся» уже через несколько секунд. – Давайте поговорим откровенно, – внезапно предложил он. – Я сразу подумал о программе посттравматической реабилитации и поднял все базы данных медицинских учреждений планеты за последние четверть века. Вы никогда не попадали в больницу, хотя действительно проживали вместе со своей матерью по адресу Спринг-Роуз, 125, в том доме, который снесли лет двадцать назад.

Лиза молча проглотила эту новость, а ее внутренний голос, который просыпался, когда ему заблагорассудится, вдруг начал подавать резкие, неприятные сигналы тревоги. Беспокойство, граничащее с паникой, вдруг жаркой волной прокатилось по телу.

Почему он так легко и спокойно разговаривает со мной? Отчего выдает секретную с точки зрения следствия информацию с такой легкостью, будто беседует с приятелем о вчерашнем футбольном матче?!

Не отнимая трубку от уха, Лиза нервно огляделась по сторонам. Сквер был пуст – ни случайных прохожих, ни влюбленных парочек, никого.

Они засекали звонок с трубки, идиотка! Беги же!..

Лиза не вняла здравому совету своей непонятной второй половинки. Измучившись и морально, и физически, она действительно не понимала, зачем ей бежать? Ведь она ни в чем не виновата, и это рано или поздно будет доказано. Нет, не нужно более бегать и прятаться: если у властей имеются подозрения относительно ее законопослушности, то Лиза тешила себя надеждой на то, что выставит встречный счет, составленный из многочисленных вопросов, которые накопились в ее сознании за последние сутки.

Где-то неподалеку приглушенно взвизгнули покрышки, и вновь наступила тишина, лишь в трубке продолжал сопеть Морган, да ленивый ветерок шевелил листву кустарника, окаймлявшего сквер живой стеной зелени.

Презумпция невиновности...

Лиза еще не понимала, как глупо рассчитывать на этот затасканный, уже миллион раз нарушенный самими законниками древний постулат юриспруденции.

Она не знала и тысячной доли того, что надлежало знать.

– Лейтенант, давайте договоримся так... – Она поморщилась от боли в порезанной руке, которая здорово опухла и беспокоила ее все это время. – Я сейчас пойду в ближайший полицейский участок, но прежде вы должны дать мне гарантию...

Морган согласился с ней слишком поспешно. Он вдруг заговорил нервной скороговоркой, которая с головой выдала то невероятное нервное напряжение, что скрывалось до этого за его спокойными, рассудительными фразами.

– Да, да!.. – торопливо оборвал он Лизу. – Вам будут даны любые гарантии безопасности в том случае, если вы принесете с собой компьютерные компоненты, которые исчезли из вашей квартиры на Медисон.

Лиза открыла рот, чтобы ответить, но именно в этот момент кусты, ограничивающие пространство сквера, внезапно разошлись сразу в нескольких местах, выпуская на веселенькую

лужайку троих солдат в серой, раскрашенной под цвета асфальта, но мгновенно смимикрировавшей до грязно-зеленого оттенка экипировке спецподразделений.

Это был шок. Все произошло так внезапно, непредсказуемо, что сознание не успело отреагировать должным образом, словно все происходило не с ней, а с кем-то другим...

Время внезапно замерло для Лизы, оно погибло, потеряло свой физический смысл в то роковое мгновение, когда алый зайчик лазерного прицела скользнул по ее груди, горлу и застыл на лбу кровавым пятнышком неминуемого выстрела.

Это был миг потустороннего откровения, секунда потрясения истиной, дарованная по праву неизбежной смерти: Лиза успела взглянуть в глаза ближайшего к ней бойца, того самого, чей прицел уже лег на нее смертной отметиной, и эти спокойные, серые глаза со стальной поволокой легализованного государством профессионального убийцы сказали ей все...

Ее никто не собирался арестовывать.

У них не было приказа брать ее живой, напротив, они пришли сюда, чтобы убить, чтобы избавить кого-то от огромной опасности, возникшей в связи со странной кончиной Сережи...

Сознание Лизы вторично погибло в этот страшный миг.

– Госпожа Стриммер, почему вы замолчали?.. – резанул по нервам осипший голос лейтенанта Моргана, и – боже – ее тело, но никак не разум, отреагировало на плавное движение пальца целившегося ей в лоб бойца...

За десятую долю секунды до выстрела, ее колени вдруг подломились, и пуля, пущенная в лоб, разнесла вдребезги трубку сотового телефона.

Пластиковые осколки больно резанули по лицу, но Лиза продолжала падать, оседая на землю вялым, безвольным мешком...

Вторая пуля, адресованная в сердце, пробила плечо, пройдя навывлет чуть ниже ключицы. Лиза не слышала приглушенного хлопка выстрела, но удар и чавкающий хруст рвущихся мышц были оглушающими, сознание вдруг начало угасать, но дикое, запредельное усилие воли вернуло его на место.

Земля встретила ее щеку колючей щетиной коротко стриженной газонной травы. Запах свежескошенного сена ударил в нос, смешиваясь с приторными флюидами крови.

Лиза не успела ни испугаться, ни удивиться, – ее разум оказался в плену у величайшего спокойствия, которое когда-либо было испытано ею в жизни. Она знала, что физическая боль, ненависть, страх – все это придет потом, а сейчас нужно лежать тихо, как и подобает трупу, у которого прострелено сердце и выбиты через затылок мозги...

Ее залитое кровью лицо, впечатавшееся в траву газона, оказалось повернуто так, что она сквозь полуприкрытые веки могла видеть ноги спецназовцев.

Двое направились к ней, третий остался на месте, страхуя товарищей.

Лиза смотрела, как медленно приближаются к ней две пары высоких ботинок, и не могла понять, чем вызвано подобное тактическое построение – привычкой действовать определенным образом или же страхом, опасением?..

Похоже, что они действительно опасались ее... мертвую, ничком лежащую на забрызганном кровью газоне.

Но это же был абсурд!.. Чем она могла так сильно испугать троих явно неробких парней?!

Первая пара ботинок остановилась подле ее лица.

Боль из района простреленного плеча понемногу начала проникать, просачиваться в сознание.

Один из бойцов подошел к ней вплотную, присел на корточки, положив на колени импульсный карабин «ИМ-200», и Лиза услышала его хриловатый голос:

– Сэр, похоже, пуля не пробила ее череп... Нет, думаю, она мертва. – Он не спешил прикоснуться к окровавленному телу, перевернуть его, чтобы убедиться в справедливости только что сказанных слов. – Что нам делать с телом, сэр?

В коммуникаторе слышалось невнятное бормотание.

– Нет, капитан Блейхард остался в машине. Свяжитесь с ним, мы подождем, – опять прозвучал над ухом тот же хрипловатый голос.

Лиза лежала, не шелохнувшись.

Боль расплзалась все дальше, плечо начало неметь, и это было скверно. Секунды казались тягучими, словно капли пролитого сиропа. Сознание Лизы будто раскололось на две половинки, – она отчетливо понимала, что в эти роковые мгновения ее телом владеет кто-то другой, умеющий терпеть боль, обладающий навыками, которые ей, обыкновенной домашней хозяйке, не могли пригрезиться в самом кошмарном, невероятном сне.

Та Лиза, которая ворковала над ухом одуревшего от виртуальной зависимости Сережи, стремительно уходила в прошлое, она погибала, а что приходило взамен? Пустота? Холодный отрешенный вакуум сознания, в котором едва приметными вехами плавали скудные обрывки воспоминаний другой женщины?..

– Да, сэр, я понял!..

Голос резко вышвырнул ее назад, в болезненную, окровавленную реальность, и Лиза почувствовала, как потянулась к ней рука...

Минуту назад этот человек хладнокровно сжал сенсор гашетки, целя ей в лоб, нимало не задумываясь над степенью ее вины... Лиза не знала, что за дьявол владеет ее разумом, но холодная внутренняя отрешенность, страшная уверенность в том, что она сможет убить его, внезапно резанула по нервам, заставив раньше времени вздрогнуть безвольное, как казалось, тело...

...

Сержант Говард достаточно повидал на своем веку, чтобы его руки не дрожали, переворачивая теплый еще труп.

Красивая... – подумал он, равнодушно скользнув взглядом по забрызганному кровью лицу, и в этот миг что-то укололо его мгновенным, парализующим предчувствием.

Мертвое тело вздрогнуло, как живое.

Ее глаза открылись. Они были огромными, бездонными, черными... В них жила пустота.

– О, фрайг!.. – Говард заученным движением уже отшвыривал прочь от себя внезапно ожившее тело, но, видимо, потрясение оказалось слишком сильным, даже для его нервов, – он сделал это недостаточно проворно, и женщина, которая поднималась с земли, одним плавным, тягучим движением успела дотянуться до расстегнутой кобуры на его поясе.

Импульсная «гюрза» послушно вышла из захватов.

Последнее, что запечатлело сознание Говарда, было ее лицо, – серое, будто пепел от сгоревшей бумаги... и глаза, в которых затаилась нечеловеческая боль, такая сильная, осязаемая, словно каждый выстрел отдавался в ее сознании, как собственная смерть.

...

Лиза начала стрелять, как только холодная рифленая рукоять автоматического пистолета оказалась в ее вспотевшей ладони.

Она действовала словно в полусне, и удивительно, что в таком состоянии разум продолжал контролировать движение рук.

Первый выстрел опрокинул ближайшего спецназовца, выбив из него сознание прямым попаданием в грудь. Учитывая бронезилет, он получил в худшем случае кровавый синяк и треснутые ребра, но удар пули вышиб весь воздух из его легких.

Он еще валился на коротко стриженный газон, рефлекторно согнувшись пополам, когда второй, еще не сообразив, что случилось, дико взвыл, роняя оружие, – пуля пробила ему ногу.

Фактор внезапности, сколь ошеломляющ он ни был, отработал свое и завершился, вслед за болезненными вскриками и падением двух тел.

Мама... Мамочка... – это был ее мысленный вскрик, порождение подсознательного ужаса от того, что она делает...

Третий боец застыл, замешкался ровно на секунду, и этого хватило, чтобы их глаза встретились.

Губы Лизы мелко дрожали. Она не закончила начатое движение и все еще полусидела на окропленной кровью траве, а он застыл метрах в пятнадцати от нее. Парню с импульсным карабином в руках уже перевалило за тридцать, у него наверняка была семья, дети, целая Вселенная по имени жизнь, – это читалось в его выцветших от напряжения глазах, в том, как мелко, едва заметно подрагивал направленный на нее ствол электромагнитного оружия.

Лиза была уверена – он не боится. Но и ее внутреннее смятение никак не отражалось на твердости руки – «гюрза» лежала в ладонях как влитая, и она почему-то твердо знала: они выстрелят одновременно и обязательно убьют друг друга.

Он напряженно следил за ней, она за ним, и эта пауза затягивалась, превращаясь в вечность.

– Не надо... – тихо, едва слышно выдохнула она.

Он еще больше побледнел, но карабин в его руках по-прежнему был направлен в голову Лизе.

Ее мутило от резкой, обильной потери крови, простреленное плечо уже не ощущалось как часть тела, и неизвестно, что за сила помогала ей так твердо держать оружие.

Не сводя глаз с застывшего бойца, она медленно встала.

– Это ошибка... Чудовищная ошибка, понимаешь? – Она выпрямилась, сделала шаг в сторону, удерживая пистолет на вытянутых руках и целя ему в лоб. На самом деле Лиза не понимала, что мешает ей чуть сильнее сжать сенсор гашетки? Она ведь уже догадалась наконец, что вся ее сущность кем-то извращена, скомкана, перекроена, и от госпожи Стриммер – законопослушной домашней хозяйки – в душе ничего не осталось.

Я слишком хорошо умею убивать... – подумалось ей, и эта мысль обожгла. – Ну, не останавливайся, давай, терять-то уже нечего...

Это был страшный миг для ее изорванного в клочья сознания.

Она владела жизнью другого человека полно, безраздельно, в такой же мере, как собственной.

Это ощущение бросало в холодный пот, оно пугало и манило одновременно своей запретной остротой, болью, солоноватым привкусом крови на губах...

Не отрекаются, любя...

Эта мысль, пришедшая, как казалось, ни к месту, не попад – о какой любви могла идти речь в эту секунду?! – тем не менее сработала, и ее скрытый, подстрочный смысл лег в сознании как нечто твердое, обдуманное уже давно и принятое навсегда...

Нельзя отречься от самой себя... Нельзя быть сегодня честным, а завтра лжецом... Нельзя предать то, во что когда-то верил. Нельзя стать зверем, а потом опять вернуться в человеческое обличье.

– Не надо... – твердо повторила она, делая шаг по направлению к нему. – Это будет бессмысленно...

Что-то дрогнуло, сломалось в его взгляде.

Ствол импульсного карабина не опустился, но Лиза каким-то шестым чувством поняла: боец поверил ее прерывистому шепоту. Он не станет стрелять, и она не выстрелит, потому что каждый из них сделал свой выбор, заглянул в миг адского напряжения в свою опустошенную, танцующую на краю пропасти душу и понял: они одинаковые – он и она. У них одно чувство справедливости, один, очень похожий взгляд на жизнь и смерть... на целесообразность последней и на ее удручающую окончательность.

...Сержант, сознание которого Лиза выключила первым выстрелом, вяло застонал, зашевелился.

Боец скосил глаза. Его командир был жив и сейчас мучительно приходил в себя после оглушительного удара в грудь, – он пытался вдохнуть, но не мог, и его рот беспомощно, некрасиво открывался.

Боец перевел взгляд на Лизу и по ее напряженной мимике понял: еще секунда – и тонкая струна натянутых нервов лопнет, и тогда с этой поляны уже не уйдет никто, ни она, ни их наряд, столкнувшийся с непонятным, но равным по хладнокровию и силе противником.

Видимо, его не устроила подобная ничья.

– Иди... – негромко проронил он, кивнув в сторону обрамлявшего сквер кустарника. – Там машина... Иди же!.. – повысил он голос.

Лиза не рискнула повернуться к нему спиной. Одной рукой подхватив оброненный пакет, она, пятясь, прошла сквозь кусты и только тогда резко обернулась.

Сознание уплывало. Казалось, что земля сейчас рванется ей навстречу, и она уже не в силах будет бороться с этим.

За приспущенным стеклом полицейской машины, небрежно припаркованной на тротуар, она увидела бледное, перекошенное лицо офицера, который, судя по движениям, судорожно пытался достать личное табельное оружие, по какой-то безалаберности засунутое в «бардачок».

– Вылезай... – без злобы, не повысив голос, произнесла она, чувствуя, что сейчас силы окончательно оставят ее.

Офицер, бледный как полотно, послушно выкатился из машины.

Лиза села за руль, включила зажигание и поняла, что реальность все же ускользает от нее. Сознание стремилось провалиться в черную, бездонную пропасть. Кровь щекочущими струйками уже стекала по животу, капала на пол, пачкая белоснежный салон полицейского «внедорожника».

Страшась, что сейчас лишится чувств, она резко дала газ, и машину юзом вынесло на проезжую часть.

Выворачивая на оживленную улицу, которая шла параллельно скверу, Лиза заметила, как мягким зеленоватым светом замерцал дисплей бортового компьютера.

Одной рукой удерживая руль, она посмотрела на высветившуюся карту района и указала световым маркером единственную знакомую ей точку.

Благо, это было недалеко.

Глава 4.

Александрийск. Клуб «Старое Железо». Шесть часов вечера...

Лиза никогда не видела, как отдыхают киберпанки...

Клуб уже работал, об этом можно было судить по двум дюжим вышибалам у гостеприимно распахнутых дверей.

Несколько минут Лиза наблюдала за их действиями. Фильтрация ранних посетителей, которые группами или поодиночке тянулись ко входу, производилась по совершенно непонятному принципу. Кого-то они пропускали сразу, без разговоров, кого-то останавливали, двоих парней даже отозвали в сторону для более детального досмотра.

Лиза остановила машину у самого края парковочной площадки. Ее лихорадило. Губы растрескались от внутреннего жара, хотя она временами ощущала самый настоящий озноб, который прокатывался по телу волнами бесконтрольной дрожи.

Очевидно, что большинство посетителей вышибалы знали в лицо. Это показалось ей скверным, но разве оставался у нее какой-нибудь альтернативный вариант? Она знала, что сил осталось немного, и если она не попадет внутрь, то скорее всего просто потеряет сознание где-нибудь поблизости и очнется уже в тюремной больнице...

Превозмогая слабость и боль, она с трудом выбралась из машины, вытащив вслед за собой черный пластиковый пакет с начинкой от Сережиного компьютера.

Терять было уже абсолютно нечего, и она пошла напрямик, ко входу, над которым ослепительным, режущим светом вспыхивали и гасли сочные буквы рекламной надписи:

Вас приветствует клуб «Старое Железо»!

Лиза старалась идти ровно, но едва ли со стороны ее неуклюжая попытка выглядела правдоподобно. Потеря крови была слишком большой, голова кружилась, твердый асфальт под ногами никак не хотел принимать вид плоскости, и она пошатывалась, как пьяная, от усилий, которые требовала ходьба...

До заветных распахнутых дверей оставалось не более нескольких метров, когда один из охранников пристально посмотрел на нее и поднял руку, преграждая путь.

– Привет, подруга... – произнес он, критически оглядывая Лизу с головы до ног. Заметил ли он дырку в блузке, под правым плечом, Лиза не могла судить, полумрак сгущавшихся сумерек и сочные красные блики мятущихся рекламных сполохов скрадывали ее внешность, но она все же постаралась выжать из себя хотя бы подобие улыбки.

– Я к Сэму... – она демонстративно выставила напоказ сумку, едва не закричав от боли в простреленном навывлет плече.

– Да? Ну-ка, давай посмотрим, что у нас там? – Верзила подмигнул ей, заглядывая в пакет.

Он даже засунул руку внутрь, зачем-то вытащил одну из компьютерных схем, повертел ее и так и эдак, а потом вдруг спросил:

– Ты что, искупалась в кетчупе, да? Или это новая боевая раскраска? Что-то видок у тебя не для вечеринки... Блин, вы скоро будете приходить совсем голые, в одной краске... – поморщился он.

Лиза больше не хотела улыбаться.

Что-то надломилось у нее внутри, еще там, на поляне в маленьком скверике, и сейчас ей вдруг жутко захотелось врезать этому умнику между ног, чтобы он согнулся, полежал и подумал...

– Я была утром у Сэма. Он велел зайти к шести часам, – совладав с внезапной вспышкой иррациональной ярости, как можно спокойнее ответила она.

– Ладно... Честно говоря, ты еще ничего. Тут, бывает, таких заносит, что только держись, – он хохотнул и пояснил: – Не то плакать от них, не то смеяться, не то бежать за угол...

Очень остроумно... Фарамант хренов...

– Как мне найти Сэма? – Лиза чувствовала, что последние силы покидают ее, еще минуту она продержится, а потом уже ей, вероятно, станет все равно.

Охранник смерил ее взглядом.

– Ладно, проходи. – Он наконец посторонился, освобождая проход. – Сэма найдешь в кабинете за основным залом, он ужинает. Но смотри, если наврала, я тебя тогда отсюда подобру не выпущу, – предупредил он.

Лизе были безразличны его угрозы. Она боком протиснулась к дверям и, перешагнув порог, едва не оглохла.

Музыка, отголоски которой вырывались на улицу через двери, на самом деле оказалась сущей какофонией. Она неистово грохотала, отражаясь от стен, потолка, обрушивалась со всех сторон, смешивалась с блуждающими лучами и вспышками лазерных спецэффектов. Все помещение плавало в густом сигаретном дыму, лазеры резали его удушливые пласты, кромсали сизое кружево, чертили на нем, как на экране, какие-то мгновенно видоизменяющиеся символы, а среди этого содома извивалось в странном для Лизы танце около пятидесяти человек, – по крайней мере приблизительно такое количество фигур она смогла рассмотреть сквозь дым в стробоскопических вспышках светомузыкального сопровождения.

– Извините!.. – напрягая последние силы, прокричала она в самое ухо ближайшей девушки, с зелеными волосами и такими же зелеными полосами, которые змеились по практически обнаженному телу. Та не отреагировала, продолжая изгибаться в страстном упоительном прежде всего для нее самой танце, и Лиза попыталась схватить ее за руку, но пальцы прошли через пустоту, воздух: танцующая оказалась фантомом, голографической компьютерной моделью.

Черт возьми, но парень с огромной серьгой в ухе, который извивался рядом с ней, чувственно прикасаясь к фантомному телу, оказался самым натуральным, – выделявая очередное движение своего танца, которое, несомненно, должно было привести его как минимум к перелому позвоночника, он сильно задел Лизу за простреленное плечо.

Она вскрикнула, отшатнулась и этим наконец ненадолго привлекла внимание к себе.

Парень остановился, уставился на нее, словно это она была тут сумасшедшей.

– Ты чего?! – сквозь адский грохот музыки проорал он.

Лизе было больно кричать, но она все же нашла в себе силы, хотя чувствовала, как кровь запузырилась на губах. Этот кошмар, казалось, будет длиться вечно...

– Заблудилась! Сэм! Как найти Сэма?!

Парень пожал плечами, потом неопределенным жестом указал в глубины дымного сумрака.

– Там! Иди прямо, не собьешься!

В конце зала действительно находилось несколько дверей. Подле одной уже знакомая по утреннему визиту дройд пыталась унять отчаянно бившуюся в ее металлопластиковых руках молодую девчонку. Та что-то орала, бессильно молотя кулаками по голове и покатым плечам человекоподобного робота.

Сквозь застилающую сознание дымку Лиза разглядела символы уборных на двух крайних дверях и потому, пошатываясь, будто пьяная, вошла в среднюю, расположенную между ними.

Сумку из черного полиэтилена она уже не несла, а скорее волочила по полу. Если бы не прокуренный полумрак танцевального зала, то было бы заметно, что за Лизой остается частая дорожка кровавых пятен.

За средней дверью обнаружился чистенький, хорошо освещенный коридор.

Лиза, словно сомнамбула, пошла по нему. В голове звенело. Хлопнувшая за спиной дверь оказалась звукоизолированной, она мгновенно отсекала какофонию звуков, рвущихся из электронных глоток тысячеваттных аудиосистем танцевального зала, и ее опять окружила, окутала зловещая тишина, как было недавно в ложной квартире ее матери на Спринг-Роуз.

По обе стороны коридора тянулись две бесконечные вереницы дверей. Большинство из них были снабжены запирающими устройствами с прорезями не то для магнитных пропусков, не то для кредитных карточек. Лизе казалось, что этот чистый, увязший в гробовой тишине коридор тянется в бесконечность. Ни одного человека, никаких признаков охраны или obsługi, вероятно, тут все было предельно автоматизировано, и контраст между темным, задымленным, оглушительным танцевальным залом и этим местом казался не просто разительным – он был ошеломляющим...

Лиза прошла еще несколько метров и растерянно остановилась.

Кровь продолжала капать с ее изодранной одежды, собираясь у ног в маленькую лужицу. Впервые в жизни ей хотелось не заплакать, а взвыть от безысходности.

* * *

В кабинете владельца «Старого Железа» Семена Крайнова заканчивался в этот момент деловой ужин.

Вместе с ним за столом сидели еще пять человек; двое из них были так же молоды, как Крайнов, а трое других представляли собой так называемое «старшее» поколение бизнеса.

– Мне нравятся твои успехи, Сэм, – произнес один из «старших», продолжая начатый задолго до этого разговор. Он лениво поковырял ножом в своей опустевшей тарелке и поднял взгляд на хозяина заведения. – Ты занял удачную нишу, сынок. Честно говоря, когда ты начал, я не думал, что этот вид развлечений окажется востребован в такой степени. Дискотек и баров вокруг – пруд пруди, а народ все по большей части валит к тебе.

– Ничего удивительного, – пожал плечами Сэм. – Я знал проблему изнутри, поэтому нетрудно было прогнозировать. Гораздо сложнее оказалось привлечь инвестиции, – не удержавшись, добавил он.

Все за столом понятливо заулыбались.

Скалитесь, суки... – неприязненно подумал Семен, глядя на окружающие его лица. – Год назад и знать меня не хотели...

– Что поделаться... – картинно развел руками тучный, розовощекий джентльмен, сидевший напротив Сэма. – Ты же знаешь наш квартал – одни многоквартирки. Сложно кому-то доверять под честное слово, особенно молодым. – Он лениво выщелкнул сигарету из дорогого портсигара и со знанием дела пояснил: – Молодежь пошла злая, сбиваются в стаи, будто звери, и все рыщут, рыщут по вечерам, ищут, кому бы проломить башку да вывернуть карманы... Трудно с ними... – философски добавил он, прикуривая.

Сэму оставалось только кивнуть, внешне соглашаясь с постулатом о злой, недоделанной и дурно воспитанной молодежи. В его ситуации приходилось играть по чужим правилам, но мысли-то никуда не денешь. Они живут сами по себе, вне зависимости от выражения лица... Пацаны на улице действительно подрастали злые, но разве не этот благообразный дяденька потчевал их родителей синтетической наркотой, по два кредита за грамм? Дешевле, кажется, смерть еще не продавалась ни разу... Да и молодой клиентурой этот ублюдок не брезговал.

Мысль Сэма внезапно прервал тонкий писк наручного коммуникатора.

– Извините, господа. – Он поднял руку, взглянул на крошечный монитор, расположенный рядом с циферблатом хронометра дорогих часов.

На мини-дисплее автоматической охранной системы высвечивался небольшой фрагмент коридора, по обе стороны которого располагались двери платных виртуальных кабинок. Все

они были плотно закрыты, а передающая камера сфокусировалась на смутно знакомой ему молодой женщине с черным пластиковым пакетом в руках. Она стояла, странно согнувшись, черты ее лица были искажены неподдельным страданием, а на полу, у ее ног росла алая лужица.

Сэм не узнал утреннюю посетительницу.

Черт, опять порезали кого-то в зале... – тревожно подумал он, вставая.

– Прошу меня простить. Я вынужден отлучиться на одну минуту. Симонс, – он обернулся к молодому человеку, сидевшему по правую руку от него, – расскажи пока господину Боронину о наших планах относительно расширения проекта.

– Что, Сэм, проблемы? – Розовощекий толстяк, которого только что поименовали господином Борониным, в упор посмотрел на Крайнова.

– Нет, беспокоиться не о чем, – заверил его Семен. – Просто я не успел предупредить одну особу о том, что буду занят именно в это время, – на ходу сымпровизировал он, не желая выставлять напоказ маленькие проблемки своего заведения. – Извините, господа. Я сейчас вернусь.

– Ну-ну... дело молодое, – похабно ухмыльнулся ему вслед Боронин, которого за глаза в квартале называли не иначе, как «стервятником». Под этой же кличкой он значился и в полицейском управлении округа.

* * *

Коридор действительно был длинный – ведь по обеим его сторонам располагалось без малого шесть десятков отдельных виртуальных кабин, – так что Крайнов едва различил в его противоположном конце скорчившуюся подле стены фигуру.

Точно... Ножом, наверное, пырнули... – с досадой подумал он, переходя с шага на бег.

– Охрана, мать вашу, где вы шляетесь? – раздраженно спросил он, на бегу поднося к губам коммуникатор, встроенный все в те же наручные часы. – Живо в коридор, и нашего врача туда же!

Подбежав к скорчившейся у стены фигуре, он увидел, что женщина, вопреки его ожиданию, не зажимает рукой никаких резаных ран, хотя изодранная одежда действительно была перепачкана уже подсохшими пятнами крови. Лицо женщины было бледным, землистым, сознание уже почти покинуло ее, и только глаза упорно пытались жить, непонятно каким усилием храня в своих глубинах искру боли, страха и безысходности...

– Сэм... – тихо прошептала она, и в этот момент Крайнов узнал в ней ту странную утреннюю посетительницу, которой он предложил поужинать в его клубе. – Прости... за... беспокойство... – слова выходили из нее тяжело, с хрипом, на губах выступила кровавая пена. – Больше... некуда... было... – Она попыталась шевельнуться и тут же начала валиться набок, оползая по стене. Семен едва успел поддержать ее обмякшее тело.

В этот момент наконец появилась охрана.

– Сюда, живо!

Они подбежали, подхватили Лизу, но клубный врач жестом приказал уложить ее прямо здесь, на пол.

Семен с удивлением посмотрел на свои руки. Ладони были красными, липкими от крови.

Губы Лизы опять дрогнули, упорно пытаясь что-то произнести. Врач, склонившийся над ней, удивленно поднял голову:

– Она пытается что-то сказать про полицейскую машину, брошенную подле клуба.

Семен кивнул одному из охранников, плотному, ладно сбитому парню с коротким ежиком светлых волос, из-за цвета которых тот получил свое прозвище: Лайт.

– Лайт, проверь стоянку.

Тот молча кивнул, бегом бросившись исполнять распоряжение.

Врач опять склонился к Лизе.

Осмотрев ее, он разогнулся.

– Очень плохо. Сквозное пулевое ранение, пробита верхушка правого легкого. Видимо, она потеряла много крови. Срочно требуется переливание.

Семен привык соображать быстро. Кто она такая, его случайная знакомая, разбираться сейчас было некогда, но поскольку в дело оказалась замешана полиция, то везти ее в больницу не было смысла: репутация его клуба еще, мягко говоря, «не устоялась» и нечего было давать копам лишний повод проявлять повышенное внимание к «Старому Железу». К тому же Семен не мог не признать, хотя бы в мыслях, что эта девушка как-то странно, по-особому, запала в душу, что называется сразу, с первого взгляда, иначе стал бы он поить ее кофе и приглашать на ужин?

– Несите ее ко мне, – решительно приказал он топтавшимся рядом охранникам. – Джордан, – он обернулся к врачу, – сделай все, что в твоих силах. Постарайся обойтись без официальной помощи, ладно? В общем, не мне тебя учить.

Лизу уже подняли и понесли.

Семен посмотрел ей вслед, удивляясь внезапно обрушившемуся на его голову негладанному приключению, и вдруг заметил, что она смотрит на него...

Смотрит благодарно, удерживая, несмотря ни на что, слабую искру сознания в своем взгляде.

«Удивительно...» – подумал он, указывая последнему оставшемуся подле охраннику на черный пластиковый пакет:

– Отнеси ко мне. И передай парням у входа, что я буду иметь с ними серьезный разговор после смены.

* * *

Закончить ужин и нормально проводить гостей Семену в этот вечер так и не дали.

Снова его потревожило коммуникационное устройство, но на этот раз не тревожной трелью охранной сигнализации, а обычным звонком.

– Да, слушаю. – Он едва заметным движением включил закрытый канал.

Звонил доктор.

– Семен Андреевич, вам бы неплохо посмотреть. Я тут наткнулся на некоторую странность с нашей пациенткой.

– Джордан, это срочно? У меня гости.

– Боюсь, что да. Я не могу держать рану открытой, а вам следует взглянуть на это воочию.

– Хорошо, сейчас.

* * *

Лиза не понимала, куда и зачем ее несут.

Не пытаясь сопротивляться, она лежала на носилках и смотрела на капельницу, которую держал в поднятой руке широкоплечий молодой парень в безупречном деловом костюме. Он шагал рядом с изголовьем, и на его лице почему-то лежала печать каменного безразличия ко всему происходящему.

Лиза все время пыталась сфокусироваться на этом лице. Ей казалось, что ни в коем случае нельзя терять сознание, хотя физические страдания тела уже превысили всякий мыслимый предел, и сладкая, черная дымка небытия манила, звала, будто долгожданная награда за муки...

Наконец мерное, болезненное покачивание прекратилось.

Чьи-то руки приподняли ее, видимо перекладывая в постель. Лицо доктора бледным пятном вплыло в круг ее зрения, постепенно обретая резкость, а вместе с ней и морщинистые черты пожилого человека.

– Ну, милая, давай посмотрим, что за дырку в тебе сделали эти говнюки...

Бранное слово неприятно резануло ее слух. Оно казалось неуместным в устах такого благообразного, чуточку старомодного джентльмена со смешным кожаным саквояжем в руке...

Прохладные пальцы мягко, вкрадчиво прошлись по ее предплечью. Лиза остро ощущала границу онемения, особенно в те мгновения, когда прикосновения вдруг исчезали, переставали восприниматься ею. Пожилой доктор не задавал никаких вопросов, да она была бы и не в силах ответить, поэтому просто лежала, мучительно скосив глаза на эти руки, и лишь крупные градины пота, выступившие на лбу, говорили о том, что Лиза остается в сознании.

Сбоку раздался щелчок открываемого замка, затем негромкое позвякивание каких-то инструментов, приглушенные голоса, вслед за которыми онемевшее плечо внезапно пронзила дикая боль...

– Спокойно... Все хорошо... Хорошо, милая, не выгибайся... Ох, какая ты упрямая, ну никак твоё сознание не хочет теряться, – посетовал мягкий голос. – Давай теперь посмотрим, что у нас с рукой? – Он взял Лизу за запястье, ловким, бесцеремонным движением надрезал рукав, увидел неумело наложенную повязку и взрезал ее.

– А вот это скверно, моя дорогая... – пробормотал он. – Самолечение – это грех. – Джордан покачал головой, глядя на распухшее запястье и безобразный, глубокий порез, который тянулся извилистой, почерневшей полосой на фоне синевато-желтой, вздувшейся опухоли. – Придется вскрывать и чистить... – озабоченно пробормотал он, опять отвлекаясь куда-то в сторону.

Лиза ужасно боялась врачей, особенно хирургов...

Приглушенное позвякивание инструментов заставило ее похолодеть, сжаться. Силы уже окончательно покинули измученное тело, и сжиматься, трепетать могла лишь душа.

Боль в потревоженной руке внезапно прорвалась в притупленное сознание.

Невыносимая, острая, горячая...

Боль...

Багровые пятна поплыли перед глазами, и внезапно она со всей отчетливостью горячего бреда поняла – это облака...

Низкие, багровые, клубящиеся, истекающие проливным дождем тучи, между которыми то и дело сверкали ослепительные разряды молний...

Где я?! Что со мной?!

– Быстро!.. Брызните ей на лицо. Да, вот из этого баллона!..

Дождь... Капли дождя упруго хлещут по расколотому забралу боевого скафандра... Ее окровавленная рука тянется к нему, и вырванные из обода осколки бронестекла окрашиваются в розовый цвет...

С кем это было? Когда? Где?..

Дождь... Господи, как больно... Воздух чужой планеты, горьковатый, влажный, полный дождевых брызг...

Лицо, склонившееся над ней. Дымный султан разрыва за спиной, поднятые в небо и медленно опадающие назад комья грязи...

Фьетч...

– Соломин! Ко мне!

Чья-то тень промелькнула совсем рядом.

– Быстро, сделай ей инъекцию! И вытащи ее из скафандра, видишь, сервоприводы заклинило!..

Дым...

Грохот, оранжево-черные вспышки, вой уносящихся на излет осколков и дождь... Горячий, проливной дождь, падающий с багряных небес...

...

– Какая странная девочка... – продолжал бормотать себе под нос Джордан, вскрывая лазерным скальпелем нарывающую опухоль на запястье Лизы.

Она напряглась, по серому лицу внезапно поползли пунцовые пятна.

Ее губы задрожали. Она бредила, выталкивая из пересохшего горла едва слышные слова:

– Соломин... Справа... Видишь ползет по склону... Это он нас накрыл...

Джордан не успел удивиться содержанию ее бреда.

Натянутая, опухшая кожа под лазерным скальпелем разошлась, раздавшись в стороны с влажным чавканьем, словно на запястье Лизы вдруг раскрылся кровоточащий рот, но Джордан, не обратив внимания на звук, с вполне естественной профессиональной заинтересованностью спокойно заглянул в глубь раскрывшегося надреза... и вдруг отшатнулся, смертельно побледнев.

Стоявший рядом с ним охранник, который по-прежнему держал на вытянутой руке мягкий резервуар капельницы, заметив, как отшатнулся от пациентки доктор, врачевавший на своем веку гораздо более худшие ранения, удивленно перевел свой взгляд с мертвенно-бледного лица клубного врача на вскрытое запястье Лизы, и его лишенное эмоций, каменно-спокойное лицо тоже внезапно исказилось гримасой крайнего, брезгливого удивления.

– Ни хрена себе... – выдавил он, едва не уронив капельницу.

Джордан дрожащими пальцами уже тыкал в сенсорные кнопки номеронабирателя на мобильном коммуникаторе.

– Семен Андреевич? У меня возникли сложности с пациенткой...

* * *

Клуб «Старое Железо». Несколько дней спустя...

Видимо, ей ввели какой-то очень сильный препарат, потому что, очнувшись, Лиза долго не могла понять, где она, что случилось и как ее угораздило попасть в совершенно незнакомую комнату.

Постепенно, капля за каплей память возвращалась к ней, всплывая тусклыми, обрывочными воспоминаниями.

Сергей... Морган... Мать... – Все вернулось, болезненно, однозначно.

Вспомнив свои мытарства, Лиза бессильно прикрыла глаза. Как ей хотелось очнуться иначе, понять, что кошмар последних суток – это всего лишь сон, но нет... Это была явь. Реальность, где кто-то незримый, незнакомый заочно приговорил ее к смерти. За что? Почему?

Лиза вдруг подумала, что вряд ли ей удастся выяснить правду. Если уж Муниципальная служба безопасности вдруг начала плясать под чью-то дудку, без всяких предварительных пояснений отстреливая граждан за простое уклонение от допроса, то, значит, заказчик всего этого сидит либо на самой вершине иерархической лестницы планетного самоуправления, либо имеет в своем распоряжении огромные деньги. А может быть, и то и другое вместе взятое...

От горьких мыслей ее отвлек внезапный звук.

Кто-то находился рядом с ее постелью, в этой же комнате.

Ресницы Лизы дрогнули, глаза приоткрылись – чуть-чуть, только чтобы она смогла выглянуть в образовавшуюся меж трепещущих век щелочку.

Человек...

Он сидел спиной к ней, расположившись в кресле за терминалом компьютера. По обширному рабочему столу, который одновременно являлся подставкой для терминала, были разложены соединенные между собой временными интерфейсами компоненты сетевой машины, явно те самые, что находились в ее сумке. Логично было предположить, что человек, сидящий за столом, это Сэм.

Лиза смотрела на его коротко стриженный затылок, ссутуленные плечи и понимала, что должна испытывать чувство глубокой признательности к своему спасителю. В конце концов у него было слишком мало поводов помогать ей.

Что ж... Теперь, в обмен на любезность, он уж точно удовлетворит свое любопытство. Лизе была непонятна его заинтересованность в компьютерных схемах, которую он ясно продемонстрировал в момент их первой случайной встречи. Кто он? Банальный скупщик краденого?

Некоторое время она продолжала исподволь наблюдать за ним. Нет, на мелкого мошенника Сэм не походил, это становилось ясно сразу. Хотя что ты знаешь о людях, подвигающихся в кварталах бедноты? – мысленно одернула себя Лиза.

Пока она раздумывала таким образом, человек закончил просмотр вызванного на экран документа. Протянув руку, он произвел несколько переключений на панели управления терминалом и откатился от стола вместе с креслом. Закинув руки за голову, устало потянулся, потом встал, подошел к стене и открыл створки скрытого под отделкой углубления.

Мелодичный звук подсказал Лизе, что это бар. Подтверждая ее догадку, тихо булькнула какая-то жидкость, и человек, которого она могла наблюдать только со спины, наконец обернулся.

Это действительно был Сэм.

Лиза смотрела, как он задумчиво потер подбородок, сделал маленький глоток из бокала, машинально хлопая себя свободной рукой по карманам в поисках сигарет. На нее он не смотрел. Достав сигарету, Сэм прикурил, отойдя в сторону от ее постели, туда, где в стене под потолком было зарешеченное отверстие вытяжной вентиляции. Выпустив дым, он снова отпил из бокала и надолго застыл в раздумье. Его покрасневшие глаза жили при этом своей жизнью, они то прищуривались, приобретая глубокомысленный вид, то снова становились нормальными, разве что слишком усталыми...

Похоже, что он очень мало спит в последнее время, – подумала Лиза. Аромат сигаретного дыма, несмотря на вентиляцию, все же пополз по комнате, и у нее сладко закружилась голова.

Не расслабляйся... – упрекнула себя она. – И не думай о нем, как о друге, ты совершенно не знаешь ни Сэма, ни мотива его поступков.

Справедливая мысль. Сэм по-прежнему оставался одной сплошной загадкой, впрочем, вероятно, как и она для него. Исправить ситуацию можно было лишь одним доступным способом.

– Можно и мне? – негромко спросила Лиза, садясь в постели. Это несложное движение далось ей с трудом.

Сэм вздрогнул. Резко обернувшись, он посмотрел на Лизу, а затем, когда секунду спустя до него дошло, что она уже не лежит, а сидит в постели, его губы вдруг тронула совершенно неподдельная улыбка.

– Я ждал, что ты вот-вот придешь в себя, – сказал он, делая шаг к кровати, которая, как теперь поняла Лиза, оказалась диваном. Вся остальная обстановка помещения сразу же наводила на мысль о рабочем кабинете.

Взяв офисное кресло на колесиках, которое сиротливо стояло посреди комнаты, Сэм придвинул его к дивану, сел, отщелкнув крышечку встроенной в подлокотник пепельницы, и протянул ей сигареты.

– Ну, как ты себя чувствуешь?

Лиза пожала плечами.

– Голова кружится, – созналась она. – Я долго отсутствовала?
– Десять суток, – спокойно ответил Сэм, протягивая ей зажигалку.
Пальцы Лизы слегка дрогнули.

Десять суток...

– Ранение было серьезным, – заметив ее растерянность, пояснил Сэм. – Мой врач, мистер Джордан, сознательно продержал тебя все это время на снотворных препаратах. Он классный специалист, и его рекомендациям можно доверять.

Лиза слабо кивнула.

Подняв глаза, она поймала взгляд Сэма и тихо произнесла:

– Спасибо. Я понимаю, что не имела особых прав вламываться к тебе...

– Брось. – Сэм все еще держал в руке зажигалку, и Лиза наклонилась, чтобы прикурить. Сладковатый вкус сигареты на миг одурманил ее.

– Что значит «брось»? – спросила она. – Не думаю, что вытаскивать с того света незнакомых раненых девушек – это твоё хобби. К тому же хозяин клуба, наверное...

– Хозяин клуба я, – мягко перебил ее Сэм, и при этом в его взгляде мелькнули и погасли озорные, насмешливые искорки. Наверное, он радовался тому удивлению, что невольно отразилось на ее бледном лице. – Да, ты не ослышалась. Я хозяин «Старого Железа». – Он откинулся на спинку кресла и произнес, предупреждая ее вопрос:

– Ты можешь чувствовать себя в абсолютной безопасности.

– Да? – Лиза вытянула руку, стряхивая пепел с кончика сигареты и одновременно продолжая смотреть ему в глаза. – Сэм, я полагаю, что за все на свете нужно платить, ведь так?

Он не отвел свой взгляд. Кивнув, он тоже продолжал смотреть на нее, и в его серых зрачках по-прежнему прятался веселый, чуть насмешливый чертик.

А вот мне не до смеха... – подумала Лиза. Все складывалось слишком странным, прямо-таки сказочным образом, а в сказки она уже давно не верила.

– Если ты будешь так хмуриться, у тебя на лице скоро появятся морщины, – предупредил ее Сэм и тут же добавил уже серьезно: – Конечно, ты права. За все нужно платить. – Он вдруг усмехнулся. – Человечность больше не котируется в этом мире, согласишься? Если ты занимаешься бизнесом, значит, бандит и отморозок, если помог девушке, попавшей в беду, значит, имеешь за душой кучу злых, далеко идущих намерений, верно?

Она смутилась от такой прямой трактовки ее полуосознанных мыслей, но более ее поразили тот вызов, который внезапно прорвался в нотках его голоса.

– Извини, Сэм, я не хотела тебя обидеть...

Он грустно улыбнулся.

– Нет, Лиза, ты права. Мы живем в мире реального... – с непонятной горечью в голосе произнес он. – Наше бытие, которое по древней формуле определяет сознание, на поверку именно таково: либо ты используешь кого-то, либо этот кто-то поймет тебя. Мой интерес к тебе кроется очень глубоко, – внезапно признался он. – Мне трудно обрисовать его несколькими фразами... да ты и вряд ли его поймешь, пока не узнаешь многих сопутствующих обстоятельств. Поэтому я предлагаю тебе своего рода сделку. – Он посмотрел ей в глаза. – Ты расскажешь мне свою историю, а я обещаю, что не выдам тебя никому. У меня свои счета и с МСБ, и со всеми остальными представителями так называемой власти, и это будет достаточно весомой причиной нашей дружбы. Тебе придется всего лишь немного потерпеть, поверив мне на слово.

Лиза чувствовала себя в этот момент не совсем уютно. Что значит немного потерпеть?

– Раз уж ты очнулась и чувствуешь себя хорошо, то никто не помешает нам поужинать вместе, – произнес Сэм, угадав ее настороженность и смятение чувств. – Я немного расскажу о себе, и тогда ты, вероятно, сможешь сама ответить на некоторые собственные вопросы.

Лиза почувствовала, как ее нервы стягиваются в комок.

– А что будет дальше? – спросила она.

Сэм пожал плечами.

– Там разберемся, – ответил он. – В «Старом Железе» тебе ничего не грозит. У меня отличная «крыша», надеюсь, что непробиваемая ни для копов, ни для спецов из МСБ. Ты сама решишь, что тебе делать.

– Вольному воля?..

– А спасенному – рай... – с улыбкой завершил ее фразу Сэм.

Лиза смотрела на него и не могла понять: бредит она или все действительно происходит наяву?

За те сутки, что болезненным шрамом навсегда легли в ее память, она, вероятно, успела напрочь потерять веру в людей.

Не верится, что, попросив помощь, ты получила ее? – мысленно упрекнула себя Лиза, а вслух спросила:

– Что именно тебя интересует?

Сэм не стал настаивать на чем-то конкретном и тем самым еще больше смутил Лизу.

– Ты можешь рассказать то, что сочтешь нужным, – ответил он. Его покрасневшие глаза смотрели на нее спокойно, серьезно, без вызова и недоверия. Он действительно казался ей нереальным.

Лиза откинулась на подушки. Ей вдруг нестерпимо захотелось, чтобы этот миг длился как можно дольше, может быть, вечность. Она не знала Сэма, он не знал ее, им было не за что любить или недолюбливать друг друга...

– Ну, хорошо... – наконец решилась она, понимая, что так или иначе должна хоть кому-то рассказать о своих злоключениях. Носить в себе весь этот груз уже было невозможно.

Заметив, что она готова тут же начать, Сэм покачал головой:

– С моей стороны это было бы свинством. Давай так: я закажу ужин, а ты пока попробуй встать. Джордан разрешил тебе вставать, когда очнешься. Вот эта дверь ведет в ванную комнату. – Он вдруг смутился. – Черт...

– Что такое? – Она мгновенно напряглась.

Сэм виновато посмотрел на Лизу.

– Забыл заказать тебе одежду, – сознался он. – От твоей, сама понимаешь, пришлось избавиться.

Лиза мысленно оценила ситуацию, и легкая улыбка наконец тронула ее губы.

– Надеюсь, халат у тебя отыщется?

* * *

Было уже начало восьмого, когда молчаливый официант накрыл специально принесенный в кабинет Сэма стол.

Лиза была очень слаба, но принятый душ помог ей немного взбодриться. Она не стала комплексовать: снявши голову, по волосам не плачут... Сэм казался ей странным, но в конце концов это еще не повод, чтобы кидаться в крайности.

Выйдя из ванной в мужском халате, который она сама освободила от герметичной вакуумной упаковки, Лиза с удивлением обнаружила, что Сэм уже тут. Он сидел на низкой банкетке подле непонятого прямоугольного провала, который располагался в одной из стен его кабинета. Лиза еще полчаса назад обратила внимание на эту нишу в стене, а теперь, глядя, как Сэм укладывает в нее куски настоящего, резко пахнущего хвоей дерева, она и вовсе оторопела.

– Что это? – не удержалась она от закономерного в такой ситуации вопроса.

– Камин, – ответил Сэм, продолжая складывать внутрь поленья, которые брал со специальной подставки. Заметив ее недоумение, он попытался объяснить ей смысл термина, но мало преуспел в этом.

Чиркнув зажигалкой, он поднес огонек к сложенным кускам древесины, и те внезапно вспыхнули.

Лиза непроизвольно отшатнулась, инстинктивно прикрыв глаза рукой.

– Ты что? – вырвалось у нее. – Будет пожар!

– Не волнуйся. – Сэм выпрямился. – Эх, цивилизация... – насмешливо вздохнул он. – Это очаг, понимаешь? Так отапливали свои жилища наши далекие предки.

Лиза с опаской покосилась на гудящее пламя, которое уже объяло поленья, бросая по стенам комнаты желто-оранжевые блики.

От камина потянуло сухим теплом. Его прикосновение показалось ей приятным. Мгновенный испуг прошел, и она вдруг вспомнила, что читала о чем-то подобном в далеком детстве. Тусклое, обрывочное воспоминание кольнуло в самое сердце.

Сэм тем временем приглушил свет и зажег две свечи в кованом подсвечнике.

Таинственные тени тут же наполнили комнату. В кабинете не было окон, и обстановка складывалась таинственная и какая-то чарующая одновременно.

Лиза пожала плечами. Она устала. Смертельно устала бояться. Хотелось чего-то нормального, человеческого, а некоторая эксцентричность Сэма, по здравом размышлении, оказывалась не худшим из тех зол, что пришлось испытать ей за последние дни...

В конце концов она сама пришла сюда, попросив его о помощи.

– Есть хочется... – внезапно призналась она, глядя на колеблющееся пламя свечей.

* * *

Время летело быстро и незаметно.

Сэм оказался терпеливым, и его ненавязчивость постепенно сняла напряжение, которое испытывала Лиза.

– Зачем тебе камин? – спросила она, когда хозяин кабинета встал из-за стола, чтобы подкинуть ненасытному огню очередную порцию пищи. – Дерево ведь стоит бешеных денег, да и эконодзор, наверное, не дремлет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.